

**Стенограмма парламентских слушаний на тему «О мерах по предупреждению
негативных вызовов национальной экономике и о первоочередных задачах
экономического развития в современных условиях»**

24 ноября 2014 года

В.И. МАТВИЕНКО

Уважаемые коллеги, добрый день! Сегодня мы проводим в Совете Федерации парламентские слушания на тему "О мерах по предупреждению негативных вызовов национальной экономике и о первоочередных задачах экономического развития в современных условиях".

Я хочу поблагодарить членов Правительства, губернаторов, сенаторов, всех участников парламентских слушаний, кто откликнулся на наше приглашение. Такая профессиональная аудитория, на мой взгляд, позволит нам очень серьезно обсудить те вопросы, которые волнуют сегодня всех без исключения: вопросы оценки общей ситуации в отечественной экономике, перспектив ее развития и выработки мер, которые помогут выйти на траекторию устойчивого развития.

Хочу напомнить, что решение о проведении сегодняшнего мероприятия было принято по результатам проведения парламентских слушаний на тему "О прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации до 2017 года и параметрах проекта федерального бюджета на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов", которые прошли 7 октября. У нас тогда возникло много вопросов к представленным Правительством документам и в первую очередь по поводу того, почему в прогнозе дана вариантность развития ситуации, но фактически отсутствует соответствующая вариантность возможных мер экономической политики.

Сегодня мы уже отчетливо видим, что начинают сбываться не самые оптимистичные предсказания: практически остановился экономический рост, сократились инвестиции, усилился отток капитала, ускоряется инфляция, наблюдается снижение цены на нефть, значительное ослабление рубля по отношению к доллару и евро. Вместе с тем я

убеждена в том, что нет никаких оснований для нагнетания паники, наоборот, в сложное время мы можем и должны собраться и выработать вместе системные меры.

Основная цель экономической политики в условиях экономических санкций должна быть направлена на ускоренную трансформацию экономики от модели, ориентированной на внешние факторы роста, к модели, ориентированной на внутренние источники роста. Задача сложная, но для ее решения есть все необходимые ресурсы: и материальные, и людские и финансовые. Санкции и существенное ослабление рубля не только создали проблемы, они открыли существенные возможности для внутреннего развития, причем не в сырьевом секторе, а в тех направлениях, задачи по развитию которых мы давно ставили, но их развитие затруднялось давлением более развитых экономик. Речь идет о широком круге отраслей, включая, конечно же, высокотехнологичный сектор.

Важно понимать, что такие масштабные задачи не решаются силами только государства и государственных корпораций. Необходимо ориентироваться на решение задач силами частного бизнеса и предпринимательской инициативы. Государство должно сориентироваться на создание таких условий, которые побудят бизнес перейти от вывода капитала к инвестированию в развитие бизнеса. Это стабильность условий ведения бизнеса, уверенность в результатах, защита частной собственности. Необходимо провести институциональные реформы, обеспечивающие укрепление института частной собственности, повышение эффективности правовой системы, повышение эффективности надзора и снижение его давления на бизнес. Необходим, на мой взгляд, мораторий в этих условиях на повышение налоговой нагрузки на все виды бизнеса. Крайне важно обеспечить доступность кредита и финансовых ресурсов и многое другое.

Можно, конечно, констатировать, что в значительной степени ситуация в экономике стала следствием технологического отставания России. Действительно, в нашей стране отсутствует или недостаточно развит ряд критически значимых для устойчивого развития экономики производств и технологий, но это не новость. Не снята с повестки проблема высокого расслоения доходов населения, часть наших сограждан

живут на достаточно скромные доходы. А ведь именно внутренний спрос является одним из важнейших стимулов подъема экономики.

Наконец, то, о чем мы не раз уже говорили в последнее время, – это сложное финансовое положение большинства субъектов Российской Федерации, где сохраняются высокое бремя долговой нагрузки, дефицитность бюджетов, а также резкая дифференциация по уровню социально-экономического развития субъектов Федерации и, следовательно, по качеству жизни населения.

Наличие только перечисленных негативных тенденций, на наш взгляд, уже значительно сужает базу для роста и является главным внутренним вызовом устойчивому развитию экономики.

Теперь о внешнем факторе. Уже всем вполне очевидно, что решать внутренние задачи экономического роста предстоит в условиях резкого обострения геополитической обстановки, характеризующейся развернутой США и Евросоюзом санкционной кампанией против нашей страны. Главное – фактическое перекрытие для наших компаний западных финансовых рынков. При этом необходимость обслуживания прежде взятых кредитов никто, как известно, не отменял.

В результате санкций резко сузились или вообще закрылись возможности перекредитования, привлечения внешних инвестиций, особенно длинных денег, получения доступа к новейшим зарубежным технологиям. То есть возникает реальный риск повторения ситуации 2009 года, когда государство вынуждено было изыскивать колоссальные ресурсы для спасения стратегически важных предприятий и банковской системы.

В сентябре на заседании Государственного совета Владимир Владимирович Путин отметил, что процентные ставки по кредитам часто превышают рентабельность проектов, ставят участников экономической деятельности, по существу, за рамки экономического здравого смысла. Поэтому в качестве ключевого приоритета Президент назвал необходимость обеспечить доступность кредитов, создать новые, конкурентоспособные по мировым стандартам условия финансирования бизнеса.

Задачи, которые стоят перед нашей экономикой, в общем-то, хорошо известны. Это проведение реальной модернизации и технологического обновления промышленности и стимулирование процессов импортозамещения. Прежде всего, речь идет о таких ключевых отраслях, как агропромышленный комплекс, микроэлектроника, фармацевтика, медицинская промышленность, и ряде других. Устойчивое экономическое развитие государства и обеспечение его национальной экономической безопасности возможно лишь при существенном увеличении объемов выпуска продукции внутри страны. Это вовсе не какая-то теория автаркии, скорее, исконно российское стремление к достатку и к состоятельности. Необходимо определить, что и в каких объемах мы должны производить сами. Кстати, принятая доктрина продовольственной безопасности уже позволила нам более четко выделить приоритеты, первоочередные меры по импортозамещению в сфере АПК.

Думаю, что по аналогии с ней следует разработать и единую доктрину экономической безопасности России. В ней должны быть установлены критерии и пороги безопасности по всем группам товаров, производство которых надо осуществлять силами отечественных производителей, соответственно, предусмотреть для них меры защиты и поддержки.

Хотела бы отдельно сказать о важности развития малого и среднего бизнеса, хотя эта тема, пожалуй, уже стала напоминать любимую народом песню "Дубинушка": из года в год звучит призыв "эй, ухнем", а затем следует ожидание, когда "зеленая сама пойдет". А она если и идет, то в основном в сфере торговли, притом что необходимы тысячи и тысячи малых и средних предприятий производственного профиля. Именно они зачастую служат основным двигателем инноваций, апробации новых технологий и видов продукции, создания дополнительных рабочих мест и роста производительности труда. На их развитие необходимо аккумулировать все виды ресурсов. И здесь без активной поддержки государства не обойтись.

Не грех присмотреться и к зарубежному опыту, на который мы так часто ссылаемся. Например, в тех же США существуют многочисленные частные фонды,

занимающиеся инвестированием в предприятия малого бизнеса, при этом большую часть капитала предоставляет им государство.

У нас за последние годы появились различные инструменты поддержки реального сектора. Были созданы институты развития. Но масштабы финансирования и результативность такой поддержки пока явно недостаточны. Большие надежды мы связываем с переходом на программно-целевые методы планирования и принятием ряда законов в этой сфере. Так, недавно был принят важнейший Федеральный закон "О стратегическом планировании в Российской Федерации". И очень важно, чтобы он скорее реально заработал.

На федеральном уровне существует около 40 государственных программ, большое количество ведомственных и региональных стратегий и программ развития, при этом многие недостаточно согласованы между собой, подчас не имеют реального финансового обеспечения, а бывает, что и вовсе включают в себя разнонаправленные меры, которые только дезориентируют и бизнес, и власти на местах.

Еще раз подчеркну, что перечисленные проблемы и задачи новыми назвать трудно. У некоторых уже есть и своя история, и своя теория, вот только практики реальной мы пока не видим.

Если есть какие-то проблемы законодательного плана, давайте их решать. Но ведь не всё зависит от законов. Как говорили еще древние римляне, законы пишутся для бодрствующих. А порой складывается впечатление, что не все еще вышли из рыночных грез, что еще не сформировалось глубокое понимание оценки реальных вызовов, стоящих перед страной. Отсюда нет и единства, и энергии к выработке и внедрению комплекса мер по противодействию возникшим угрозам.

Конечно же, говоря о проблемах и задачах, нельзя не заметить и успехи, которые, безусловно, есть. В целом ряде субъектов Федерации органы власти совместно с бизнесом реализуют крупные инвестиционные проекты в сфере промышленности, реального производства, причем проекты, которые связаны с модернизацией, с развитием импортозамещающих производств, со строительством новых современных предприятий. Это мы видим и в ходе рабочих поездок в регионы, куда рекомендовала бы почаще

выезжать министрам, и во время проведения практически каждого Часа субъекта на заседаниях Совета Федерации.

В целом следует сказать, что сегодня именно регионами предлагается немало перспективных решений. На федеральном уровне пора, наконец, не только принимать их к сведению, но и оказывать содействие их реализации. Это поможет принять продуманную, реалистичную программу содействия импортозамещению в промышленности и сельском хозяйстве на 2014–2015 годы, которая, как Вы знаете, по поручению Президента Российской Федерации сейчас дорабатывается в Правительстве.

Коллеги, нам сегодня предстоит обсудить весь комплекс мер, предлагаемый экономическим и финансовым блоками Правительства России, Центральным банком, чтобы запустить в стране экономический рост. Мы хотим услышать, что реально будет драйверами экономического роста. Прошу присутствующих здесь, и руководителей регионов, и членов Правительства, членов нашего научно-экспертного совета, представителей бизнеса, активно высказывать свое мнение, давать оценки и предложения, которые, я надеюсь, будут полезны для выработки дальнейшей стратегии.

Уважаемые коллеги, есть предложение провести наши парламентские слушания в пределах двух часов, предоставить слово для доклада Министру экономического развития Российской Федерации – до 20 минут, выступления в прениях – до пяти минут. Коллеги, прошу сосредоточиться не на общих рассуждениях, важных, полезных, а лишь на предложениях. И не обижайтесь, если я буду прерывать тех, кто превышает установленный регламент.

Позвольте предоставить слово Министру экономического развития Российской Федерации Алексею Валентиновичу Улюкаеву.

Алексей Валентинович, пожалуйста, Вам слово.

А.В. УЛЮКАЕВ

Спасибо.

Уважаемая Валентина Ивановна, уважаемые коллеги! Адресуясь к тематике наших слушаний – о тех вызовах, которые стоят перед национальной экономикой, я сразу обрисую три из них, как мне кажется, базовых. Первый – исключительно внутреннего

производства и два остальных во многом связаны с ситуацией глобальной, ситуацией на мировых рынках.

Итак, первый – это серьезный структурный кризис, который выражается в массивном росте издержек. Это касается разрыва между оплатой труда и производительностью труда, это касается стремительного роста тарифов инфраструктурных монополий, в результате которого энергопроизводящая страна оказалась по уровню соответствующих издержек сопоставима со странами энергоимпортирующими. Это довольно сильное регуляторное воздействие. По оценкам специалистов, порядка 30–35 процентов всех издержек предприятий – это так называемые транзакционные издержки, связанные с трудным входом на рынок, высокими административными барьерами, избыточными требованиями налогового и квазиналогового характера. Это высокие процентные ставки, потому что сейчас финансовые предприятия... если мы возьмем 2014 год, промышленность, почти 30 процентов всего финансового результата уходит на обслуживание получаемых кредитов, а если взять машиностроение, то эта цифра поднимается до 40 процентов. Наконец, довольно сложная ситуация с нашим базовым производительным ресурсом, демографическая ситуация острая, которая приводит к тому, что в условиях рекордно низкой безработицы мы испытываем серьезные структурные проблемы с рабочей силой. Это известные обстоятельства. Мы с ними работаем в течение ряда лет, но в текущем периоде на них наложилось два дополнительных.

Первое – это негативный тренд цикла глобальной экономики, российской экономики, который начиная с середины текущего года выразился в простой вещи – в снижении конъюнктурных доходов нашей экономики от экспорта сырья, прежде всего нефти, в связи с принципиальным сокращением ожиданий по спросу, прежде всего.

А ожидания по спросу, связанные с глобальной рецессией в странах Европы, прежде всего, и сокращением в ряде стран, которые прежде выступали локомотивами экономического роста, странами с развивающейся экономикой, плюс к этому некоторые дополнительные факторы на стороне предложений привели к стремительному снижению этой конъюнктуры.

Одновременно наш внутренний цикл, который характеризовался тем, что к середине 2012 года мы завершили восстановительное развитие, которое не требовало дополнительных инвестиций и могло быть связано с дозагрузением недоиспользованных производственных мощностей, завершился, и здесь мы уперлись во многом в инвестиционную составляющую.

И, наконец, третий принципиальный момент – это геополитическая ситуация, материальность которой выразилась в мощном санкционном давлении, которое было оказано на российскую экономику, и которое... Я не говорю о многих технологических вещах, таких как ограничение доступа к критическим технологиям для некоторых наших отраслей, их результат пока мы материально не получаем, он, возможно, будет получаться в среднесрочной перспективе, но мощное материальное давление оказывается через закрытие глобальных финансовых рынков для российских заемщиков. То есть необходимо получать этот ресурс на внутреннем валютном рынке, на котором складывается очень острый дисбаланс (огромный спрос на валюту при низком ее предложении). Зачастую предложение сводится к тому предложению, которое давал Банк России. Это приводило к давлению на курсовые соотношения, резкой девальвации национальной валюты, которая, в свою очередь, оказывала воздействие на рост инфляции.

Результатом этого мы имеем, с одной стороны, такое ускорение инфляции, которое почти сводит на нет рост номинальных заработных плат, номинальных доходов. Пока еще, по итогам этого года, мы будем иметь положительный, но очень незначительный положительный результат, измеряемый в долях процента. С другой стороны, это инфляционное давление, которое провоцирует власть на то, чтобы ужесточать денежную политику. Мы вошли в этот год с уровнем процентных ставок Банка России 5,5 процента, ключевая ставка, а завершаем год с ключевой ставкой 9,5 процента. Почти удвоение. Это те 4 процента, которые, безусловно, перекладываются на конечных заемщиков, и, кроме того, создают дополнительные риски, потому что возникает у банков неуверенность в том, что заемщик в состоянии кредит использовать, кредит обслужить, а это увеличивает требования по созданию резервов, что давит на капитальную базу банков и тем более осложняет ситуацию.

И в этой связи такое понимание рисков, такое понимание вызовов диктует нам и тот набор действий и мер, которые мы должны реализовывать в своей текущей экономической политике и среднесрочной экономической политике в ближайшее время.

Итак, санкционный режим и наша контрсанкционная политика. "Импортозамещение" – это стандартный термин, который мы используем. Мне хотелось бы просто дать пояснение, что мы импортозамещение видим не просто как замещение товара, потому что товар, который ввозится к нам, он уже в финансовом смысле реализован, то есть цикл НИОКР произведен, инвестиции осуществились и финансово это уже отработано. Нам нужно прежде всего играть на опережение. И импортозамещение для нас – это прежде всего производство критически важных технологий внутри страны. Это первое.

И второе – это создание мощного инвестиционного потенциала, который позволяет тот объективный ресурс, который получают наша промышленность, наше сельское хозяйство благодаря тому, что их издержки производства, пересчитанные на валюту, позволяют выигрывать конкуренцию у импортеров и позволяют выигрывать конкуренцию на рынке третьих стран в качестве экспортеров.... Это необходимо поддержать.

В этой связи разработаны планы импортозамещения в области промышленности, в области сельского хозяйства. Сейчас мы эти планы импортозамещения подкрепляем набором инвестиционных проектов, которые хотели бы профинансировать с использованием тех инструментов, которые уже существуют, и тех, которые нами сейчас предлагаются.

Я говорю о том увеличении государственной программы развития сельского хозяйства, которое касается прежде всего инвестиционных возможностей в области молочного животноводства и мясного скотоводства, что включено в трехлетней финансовый план, который рассматривается Федеральным Собранием.

Я говорю здесь о механизме проектного финансирования, которое также предполагает, что определенные квоты в этом объеме финансирования (я скажу о его

механизме чуть позже) будут выделены для сельского хозяйства, мы говорим, возможно, о 20 процентах, для промышленности, для иных секторов экономики.

Мы говорим о том, что здесь нужно использовать мощный потенциал закупок для государственных нужд. И в этом плане нами уже приняты решения о том, что по ряду позиций закупки для государственных нужд будут осуществляться только у отечественных поставщиков, это 106 видов товаров, которые относятся к этой категории. По ряду позиций (это 248 видов товаров) будут осуществляться преференции в пределах до 15 процентов цены, которые дают существенный дополнительный ресурсный запас для отечественного производителя.

К первой категории относятся, кроме, естественно, отраслей военно-промышленного комплекса, такие отрасли, как производство тяжелой строительной техники, самосвалов, автокранов, легковых и грузовых автомобилей, автоприцепов, трамвайных вагонов и так далее.

Ко второй категории, где мощные ценовые стимулы применяются, относятся, например, производство лекарственных препаратов, производство медицинской техники, производство продовольствия. С начала года с применением этих механизмов преференций для отечественных поставщиков товаров и услуг заключено уже более 660 тысяч контрактов на общую сумму свыше 450 млрд. рублей. И уже есть примеры, когда, казалось бы, лежащее предприятие поднимается, увеличивает объем производства, получает финансовый результат, наращивает налогооблагаемую базу. И такие примеры мы должны тиражировать.

Однако кроме закупок для государственных нужд существуют закупки для нужд компаний с государственным участием. По объемам эти цифры сопоставимы, закупки для государственных нужд – порядка 8 трлн. рублей у нас в годовом исчислении, а для компаний с государственным участием – даже больше 8 трлн. рублей. В этой связи нам необходимо внести изменения в федеральный закон № 223, который регулирует требования к закупкам для нужд компаний с государственным участием, и привести его в соответствие примерное с требованиями федерального закона № 44, который дает нам возможность применять те преференциальные меры, о которых я уже сказал, для

бюджетных закупок. Такого рода предложения подготовлены, надеюсь, в ближайшее время мы сможем принять эти поправки, которые дадут нам дополнительную возможность, в законодательство.

Второй блок проблем, связанный с давлением на издержки производства в сторону их снижения. Это прежде всего механизмы повышения производительности труда, создания новых высокотехнологичных, высокопроизводительных рабочих мест. Для этого предусмотрены меры в области модернизации производства, в области профессионального развития работников, в области применения наилучших доступных технологий, создания соответствующих справочников, нормативов и КРІ для компаний, в том числе компаний с государственным участием.

Мы понимаем, что только мощный вброс современных инновационных технологий в промышленность и другие сектора экономики позволит ее модернизировать на новых, современных основах, не повторять уже тиражируемое на мировых рынках, а создавать новое. И в этой связи мы задействуем и механизм институтов развития, таких как Российская венчурная компания, таких как Внешэкономбанк, таких как специально созданные фонды, которые способствуют появлению новых инновационных компаний и коммерциализации их продукта. Мы создаем такие социально-технологические лифты. Мы создаем специальные инфраструктурные возможности в виде технопарков, в виде инновационных парков, в виде территориальных инновационных кластеров. И в этом направлении мы работаем вместе с субъектами Федерации, потому что механизмом является софинансирование федерального бюджета, тех инвестиций, той работы, которая проводится на субъектовом уровне.

В области тарифов, вы знаете, что у нас долгосрочная тарифная политика сориентирована на то, чтобы тарифы не превышали уровень инфляции, плановой инфляции предшествующего года. Здесь мы уходим от перекрестного субсидирования, как, например, в электроэнергетике, вводим механизм альтернативной котельной для теплоснабжения. К сожалению, для 2015 года нам не удалось в полной мере этот механизм провести, у нас для некоторых инфраструктурных направлений будет повышенная индексация, таких как Российские железные дороги, которые получат

индексацию в 10 процентов выше инфляционного уровня, таких как теплоснабжение, а также водоснабжение и водоотведение в области жилищно-коммунального хозяйства. Мы рассчитываем, что это позволит справиться с временными трудностями этих отраслей в текущем году, и с 2016 года, мы твердо уверены, сможем вернуться на путь долгосрочного тарифообразования с теми пределами, о которых я говорил.

Очень важно улучшение логистики, ускорение движения товаров и услуг. Мы знаем печальные примеры того, как медленно продвигаются грузы по нашим железным дорогам и сейчас, уступая динамике, скажем, советского времени. В этой связи, вы знаете, разработали механизмы применения средств Фонда национального благосостояния, и вот сейчас, в это время, мы начали практическую реализацию. Мы отработали соответствующую нормативно-правовую базу, отобрано уже семь проектов. Это прежде всего проекты транспортной, а также энергетической инфраструктуры, такие как модернизация путевого сообщения БАМа и Транссиба, модернизация соответствующих сетей в этих регионах. Это Центральная кольцевая автомобильная дорога, это Енисейский производственный кластер, это железная дорога и угольное производство Тувы и ряд других проектов. Кроме того, это проекты в области телекоммуникаций и в области сетевого хозяйства. Уже в этом месяце мы начинаем первое финансирование, наверное, мы по Центральной кольцевой автомобильной дороге сможем первые средства предоставить и по другим нашим проектам. Остальные проекты также находятся в высокой степени разработки.

Что касается непрямых, косвенных, так называемых транзакционных издержек. В этой связи, первое, конечно, чрезвычайно важно (это наше твердое намерение) не увеличивать не только ставки налогов, не только не вводить новые налоги, но и не изменять принципы и правила налогового администрирования, что создало бы комфортную ситуацию для налогоплательщиков. Мы опираемся в этом плане на поддержку Президента Российской Федерации, который сказал об этом на встрече с Общероссийским народным фронтом.

Мы понимаем, что не только налоги и сборы, но и косвенные платежи, такие как платежи за загрязнение окружающей среды, твердые бытовые отходы, опасные условия

производства, тоже очень важны. Здесь мы тоже работаем над тем, чтобы оптимизировать величину этих платежей и привести их в соответствие с финансовыми возможностями предприятий.

Исключительно важно навести порядок в сфере контрольно-надзорной деятельности, потому что здесь вовлекаются огромные ресурсы, временные и финансовые. И то, что мы сейчас вводим механизм единого реестра контрольно-надзорных мероприятий, вводим ограничение по плановым проверкам, мы выступаем с инициативой введения моратория на проверки для предприятий в области малого и среднего предпринимательства. Сейчас создается единый реестр проверок, который позволяет обеспечить абсолютную прозрачность в этой сфере и дает возможность каждому предпринимателю видеть на соответствующих порталах и сайтах полную информацию о возможностях использования этого механизма или убедиться в том, что он используется не в соответствии с требованиями закона и регуляторной базы.

В дальнейшем мы намерены перейти на так называемый риск-ориентированный надзор (тот, который сейчас применяется в области налогового администрирования, в области таможенного администрирования), распространить его на другие сферы, с тем чтобы определять профиль риска. То есть именно те сферы, которые вызывают наибольшее беспокойство, проверяющим органам не фронтально проверять предприятия, а только те, которые в соответствии с этим профилем риска вызывают беспокойство. Мы рассчитываем на то, что это позволит серьезно снизить финансовую нагрузку на предприятия.

Комфорта для бизнеса позволяет достичь также реализация известных инициатив – "дорожная карта" "Национальной предпринимательской инициативы". Буквально на прошлой неделе мы на заседании Правительства подводили итог, я делал доклад о годовой работе в этом направлении. Одиннадцать "дорожных карт", по ряду из них очень успешно ведется работа, которая позволяет сократить количество требований к бизнесу, позволяет упростить доступ на рынок, доступ к ресурсам, подключение к сетям, получение регистрации, доступ к земельным участкам и так далее. Однако сохраняется очень большой разброс между сроками и количеством мероприятий, между отдельными

субъектами Федерации. Так скажем, в области строительства или в области подключения к энергетическим сетям многократный разброс между регионами-лидерами и отстающими регионами – это три, четыре, четыре с половиной раза. В этой связи мы через систему национального рейтинга хотели бы добиться максимального тиражирования наилучших практик работы с бизнесом, которые достигаются в отдельных субъектах Федерации, и преодолеть этот разрыв между нормативами работы лидеров и отстающих. Соответствующий рейтинг уже запущен. У нас в мае на Петербургском экономическом форуме были промежуточные результаты по 21 региону подведены. Начиная со следующего года у нас полный охват этих регионов.

Если говорить о рейтингах, нужно упомянуть о нашем существенном продвижении в международных исчислениях. Мы вышли на 62-ю позицию в глобальном рейтинге Всемирного банка.

Также продвижение больше, чем на 10 позиций, в рейтингах Блумберга и в рейтингах Всемирного экономического форума. Не надо, конечно, переоценивать значение, это всего лишь цифры, это приятные цифры, не более того, но они отображают ту работу, которая ведется вместе с бизнесом. И все оценки в области реализации "дорожных карт" – это исключительно оценки бизнеса. Без согласования с бизнес-сообществом мы не считаем выполненным ни одно из мероприятий этих "дорожных карт".

И чрезвычайно важная сфера, на которой я хочу остановиться, – это финансовая поддержка. Потому что реализация инвестиционного способа развития должна опираться именно на это.

Здесь Валентина Ивановна справедливо упомянула необходимость нашего продвижения от модели, ориентированной на импорт финансовых ресурсов. Мы видим, с какими трудностями мы здесь сталкиваемся. Мы до конца следующего года должны будем обеспечить погашение более 130 млрд. долларов задолженности наших компаний, которые, видимо, не смогут быть прорефинансированы на фоне имеющихся санкций. Это означает, конечно, чрезвычайно сильную нагрузку на всю финансовую сферу.

При этом мы видим, что существует значительный разрыв между высокой внутренней нормой сбережений, порядка 30 процентов ВВП, и сравнительно низким, 19–

20 процентов, уровнем внутреннего накопления. Вот этот разрыв призван полностью закрыть и зависимость от глобальных финансовых рынков, и обеспечить финансирование развития.

Что здесь имеется в виду? Очень кратко. Прежде всего, это механизм проектного финансирования, о котором я уже упомянул, который означает, что такие крупные, средnekрупные проекты (мы берем "вилку", так, от 1 миллиарда до 20 млрд. рублей стоимость проекта) могут получать специальные условия финансирования, которые будут заключаться в том, чтобы иметь 25 процентов бюджетных гарантий. Причем это такая особая, прямая бюджетная гарантия, которая отдельно прописана в приложении № 39 к бюджету и предполагает, что по решению межведомственной комиссии Минфин автоматически обязан выдать гарантию, без каких-то дополнительных рассмотрений.

Это создает комфорт банкам, которые предоставляют соответствующий долгосрочный кредит. Мы имеем в виду, что это примерно 10-летняя перспектива инвестиционного кредита. А Банк России рефинансирует тоже в долгосрочном режиме, по крайней мере до трех лет, и дает для коммерческого банка ставку: ключевая минус 1. И сейчас уже мы говорим о том, чтобы передвинуть ее до ключевой минус 1,5. То есть сегодня ключевая – это 9,5 процента. Минус 1,5 – это 8 процентов цена для банка. И для конечного заемщика – это ключевая ставка плюс 1, предельная. То есть в сегодняшних условиях это 10,5 процента годовых.

Мы готовы к тому, что уже с самого начала 2015 года этот механизм заработает, как только бюджетные гарантии будут выдаваться. Сейчас идет отбор соответствующих проектов. Полностью подготовлена необходимая нормативная база, сформированы соответствующие структуры.

Второе. Для тех проектов, которые имеют меньший объем потребностей в финансовых ресурсах, мы создали в этом году Агентство кредитных гарантий, капитализировали его в сумме 50 миллиардов рублей. Первые гарантии выдаются. Это небанковская кредитная организация, что дает возможность не только давать поручительства, но давать прямые гарантии и контргарантии под те гарантии, которые выдаются региональными гарантийными фондами.

Мы считаем, что мы, таким образом, достраиваем систему гарантий, и это позволит серьезно удешевить кредитный ресурс для заемщиков прежде всего в области среднего бизнеса. *(Микрофон отключен.)*

И буквально минуточку...

В.И. МАТВИЕНКО

Продлите время, пожалуйста.

А.В. УЛЮКАЕВ

И рассчитываем, что уже в ближайшее время объем выдаваемых гарантий превысит 350 млрд. рублей, что позволит увеличить кредитный портфель для инвестиционных проектов среднего бизнеса на сумму порядка 700 млрд. рублей. В этом же направлении работает и фонд промышленности, который создается для поддержки промышленных предприятий, финансирование которого уже начиная с текущего года и на трехлетку финансовую предусмотрено в рамках федерального бюджета.

И, наконец, хочу сказать о капитализации банков. Все-таки банковский ресурс – это самый главный ресурс для развития нашей экономики. Мы должны обеспечивать рост кредитного портфеля темпами, с моей точки зрения, не меньшими, чем 15 процентов в год в номинальном исчислении. Для этого требуется существенное увеличение капитала банков. И мы сейчас рассматриваем механизм увеличения капиталов банков прежде всего за счет средств Фонда национального благосостояния, в основном используя для банков с государственным участием, а также планируем трансформировать уже полученные субординированные кредиты в участие в акционерном капитале банков, что увеличит капитал как первого, так и второго уровня. С нашей точки зрения, это позволит создать дополнительный ресурс по увеличению кредитного портфеля банков в объеме порядка 5 трлн. рублей в год.

За неимением времени две еще очень важные темы, может быть, в ответах на вопросы мы их коснемся. Это поддержка малого и среднего бизнеса и поддержка экспорта. Скажу лишь одно, что мы создали после долгих трений единое гарантийное экспортное агентство, центр гарантийной экспортной поддержки, который позволяет одновременно предоставлять и страховое гарантийное покрытие экспортным кредитам, и саму

финансовую поддержку экспортного кредитования, что с учетом работы региональных центров экспорта и наших торговых представительств, которые имеют заключенные договоры с субъектами Федерации и крупными производителями по продвижению экспорта, позволяет создать стройную систему поддержки и обеспечить рост экспорта. Мы говорим о несырьевом экспорте, прежде всего экспорте товаров с высокой степенью добавленной стоимости: не менее 6 процентов в год.

В результате этого мы надеемся, что в этом году уже темпы нашего роста будут не меньше, чем прогнозируемые. Запрогнозировано было 0,5 процента. Скорее всего, будет немножко больше. На сегодняшний день мы имеем 0,8 процента. Прежде всего, это благодаря тому, что у нас ускорился рост промышленности, может быть, отчасти в связи с теми мерами, о которых мы сейчас говорили. На сентябрь – октябрь этот рост в промышленности – 2,8 и 2,9 процента соответственно, а в сельском хозяйстве – 4,5 процента роста, накопленного за 10 месяцев. Спасибо.

В.И. МАТВИЕНКО

Спасибо, Алексей Валентинович. Присаживайтесь.

Коллеги, давайте условимся следующим образом. Мы в конце нашего обсуждения дадим возможность Алексею Валентиновичу ответить на те предложения, которые прозвучат, возможно, и вопросы.

В наших парламентских слушаниях принимают участие 170 человек. Я уже сказала, что это очень представительная, профессиональная аудитория. Есть много желающих выступить. В конце мы можем дать возможность каждому высказать какие-то предложения, если таковые будут.

Я прошу взять слово Глеба Сергеевича Никитина, первого заместителя Министра промышленности и торговли Российской Федерации.

Глеб Сергеевич, пожалуйста, Вам слово.

Г.С. НИКИТИН

Уважаемая Валентина Ивановна, уважаемые коллеги! На самом деле основной вызов промышленности – замедление роста промышленного производства – не является новым в условиях драматического изменения геополитической, макроэкономической

ситуации. Мы обсуждали его многократно и в стенах Совета Федерации, и со всеми экспертами еще в 2013 году. В этой связи нам, естественно, нужно ускорить выработку и принятие тех мер, которые мы еще тогда запланировали, помимо того, что необходимо создать и новые инструменты, которые будут отвечать на эти новые, изменившиеся вызовы внешней среды.

При этом необходимо отметить, как в конце уже сказал Алексей Валентинович, что промышленность по итогам 9 месяцев выросла в большей степени, чем ожидали эксперты, и в большей степени, чем те прогнозы, которые мы составляли. Это 2,9 процента. При этом в обрабатывающих отраслях рост составил 3,3 процента.

Причина относительно позитивного результата носит комплексный характер. Это и эффект девальвации, безусловно, эффект низкой базы предыдущего года и, как мы полагаем, результат реализации комплекса активных мер промышленной политики. При этом данные факторы действуют в отношении разных отраслей разнонаправленно.

Так, например, девальвация создает дополнительные риски для тех отраслей, которые в наибольшей степени зависят от импорта комплектующих, то есть для импортозависимых отраслей. В этой связи в долгосрочной перспективе, безусловно, создаются стимулы для большей локализации и, по сути, для импортозамещения, о чем абсолютно справедливо во вступительном слове сказала Валентина Ивановна. Но при этом в краткосрочной перспективе для этих отраслей появляются серьезные риски. Реагировать на них мы должны в первую очередь путем стимулирования спроса.

Например, если мы говорим про автопром, мы полагаем, что данная отрасль является наиболее подверженной риску в связи с изменением курса национальной валюты.

Мы проводим меры по стимулированию спроса в рамках в том числе известной программы утилизации.

Ставка на опережающее развитие обрабатывающих отраслей будет в любом случае определяющей тенденцией развития промышленности в долгосрочной перспективе, то есть на ближайшие годы и даже десятилетия. Этот приоритет мы сейчас сформулировали в законе о промышленной политике, который мы приняли 7 октября в первом чтении в Государственной Думе. Это ровно та мера, о которой я сказал в самом

начале. То есть мы вместе с вами приняли решение разрабатывать и принимать закон еще в 2013 году. Мы должны просто еще в большей степени ускориться. Окружающая обстановка диктует нам необходимость еще большей мобилизации ресурсов.

Мы активно сейчас работаем с парламентариями над поправками ко второму чтению. Надеемся, что мы в этом году закон примем, во многом благодаря поддержке, Валентина Ивановна, Вашей и Совета Федерации. Активное участие, кстати, члены Совета Федерации приняли и в подготовке поправок в Государственной Думе.

Принципиально новыми механизмами стимулирования, заложенными в законе, станут такие, как освобождение от уплаты отдельных налогов на определенный срок для субъектов промышленной деятельности, реализующих инвестиционные проекты, в первую очередь импортозамещающие инвестиционные проекты (я хотел на этом сделать акцент), механизмы возвратного финансирования, специальные инвестиционные контракты, которые также ориентированы, это прямо указано в соответствующем разделе, на проекты импортозамещения.

Кроме того, в тексте закона, подготовленного ко второму чтению, предусмотрена отдельная глава, посвященная Фонду развития промышленности. В 2014–2017 годах уже на деятельность Фонда развития промышленности предусмотрено около 35 млрд. рублей. Опять-таки в рамках формирования процедуры отбора проектов и функционирования фонда мы делаем особый акцент на то, чтобы все проекты, получающие поддержку, были ориентированы на импортозамещение.

Уже в новой, будем так говорить, обстановке мы получили поручение Президента по подготовке комплексного плана содействия импортозамещению, подготовили и утвердили в Правительстве такой план. В его рамках предусмотрено формирование отраслевых планов импортозамещения, уже предполагающих конкретную номенклатуру продукции, которая должна быть импортозамещена. Предлагаем всем поучаствовать в подготовке таких планов. Мы не собираемся просить дополнительное финансирование на реализацию плана содействия импортозамещению, но будем обязательно перераспределять ресурсы, концентрировать их на создание соответствующих производств.

Также очень важно...

Валентина Ивановна, если можно, 30 секунд буквально, не больше.

В.И. МАТВИЕНКО

Да, пожалуйста.

Добавьте время.

Пожалуйста.

Г.С. НИКИТИН

Очень важным является, помимо создания производств, где мы зависим от импорта в наибольшей степени, формирование опережающего научного и интеллектуального инновационного задела. В этой связи буквально недавно, в сентябре, мы в Правительстве выработали концепцию национальной технологической инициативы. Будем реализовывать, как мы сейчас и полагаем, в таком же формате, как национальная предпринимательская инициатива, о которой сказал Алексей Валентинович. Это значит контроль экспертного сообщества и бизнеса за реализацией конкретных "дорожных карт".

Я хотел бы всех пригласить к совместной работе по данному направлению. Спасибо большое.

В.И. МАТВИЕНКО

Благодарю Вас, Глеб Сергеевич. Присаживайтесь.

Коллеги, мы серьезно готовились к парламентским слушаниям. Вам розданы, всем участникам, материалы по теме наших парламентских слушаний, представленные министерствами и ведомствами, а также сейчас вам раздали ответы Министерства экономического развития на заранее поставленные вопросы сенаторами, другими участниками слушаний. Так что прошу этими материалами пользоваться, чтобы не задавать те вопросы, на которые уже есть ответы.

Манылов Игорь Евгеньевич, первый заместитель Министра сельского хозяйства.

Пожалуйста, Вам слово.

И.Е. МАНЫЛОВ

Добрый день, уважаемая Валентина Ивановна, уважаемые участники слушаний! Пользуясь вот последней информацией, министерство тоже представило подробные

материалы, в которых есть цифры, поэтому я не буду их подробно освещать. Обращу внимание только на некоторые из них.

Во-первых, сама постановка задачи, реакция агропромышленного комплекса на негативные вызовы российской экономике, она воспринимается, как Валентина Ивановна говорит, без паники. То есть в принципе те задачи, которые вытекают из текущей ситуации, они во многом уже были сформированы до этого, еще начиная с реализации национального проекта в области АПК и принятия в 2010 году доктрины продовольственной безопасности.

Показатели, которых мы достигли на сегодняшний день по Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации до 2020 года, по основным видам продукции, говорят о том, что мы движемся, в общем-то, в правильном направлении и достаточно быстрыми темпами. При этом всё-таки определенная корректировка наших подходов к достижению этих целей на сегодняшний день необходима, и ситуация последних месяцев обострила наиболее важные проблемы, о многих из которых Алексей Валентинович в своем докладе уже сказал.

В принципе, если говорить об обеспечении продовольственной безопасности, то по основным группам товаров, как я уже сказал, мы достигаем необходимых показателей, и при этом мы видим, что ряд подотраслей, в частности молочное направление и животноводство, нуждаются в такой дополнительной, системной, технологической, даже можно сказать, поддержке. Соответственно, инструментами решения этих задач являются программы. Приняты, вы знаете, Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы, Государственная программа "Развитие рыбохозяйственного комплекса", и, о чем уже говорил Глеб Сергеевич, в Минсельхозе и в агропромышленном комплексе есть отраслевой План мероприятий ("дорожная карта") по импортозамещению в сельском хозяйстве на 2014–2015 годы.

Основные подходы, которые отражены в предложенных Минсельхозом и согласованных с Правительством позициях, отвечают той оценке, на которую Минэкономразвития... и Алексей Валентинович сегодня в своем докладе обратил на это

внимание. То есть задача всё-таки стоит стратегическая – не заменить товары как таковые, а создать условия, по сути, для импортозамещения технологий. Для агропромышленного комплекса ответом на это является создание системы финансирования серьезных инвестиционных проектов проработанных, о чем тоже было сказано.

Кроме этого, я бы еще обратил внимание на такой поворот к созданию системы современной логистики – товаропроводящих сетей, оптово-распределительных центров. Это одно направление.

Второе направление из таких технологически прорывных (сейчас это отражено в корректировках госпрограммы) – это создание селекционно-генетических и селекционно-семеноводческих центров. Скажем, эта контрсанкционная и антисанкционная работа, она как раз обнажила эти проблемы, которые именно в этих направлениях имеются. И также необходимость стабилизации финансовых институтов, которые обслуживают инвестиционный процесс в области АПК.

Соответствующие направления в этой корректировке, которые мы предложили, отражены в материалах, есть подробная таблица с указанием цифр, даже в разрезе со сроками.

Еще одно серьезное направление, на которое я бы хотел обратить внимание в рамках короткого доклада. Если в последние годы с учетом сжатого времени и бюджетных ограничений все усилия АПК были направлены на то, чтобы дать валовой продукт, а задача развития собственно сельских территорий, которые являются основной локацией производительных сил агропромышленного комплекса, была на втором плане, то сегодня действует обновленная программа устойчивого развития сельских территорий. С учетом рассмотрения вопроса развития сельских территорий на заседании Госсовета даны соответствующие поручения, и в ближайшее время, в декабре, нами вместе с федеральными органами исполнительной власти будет внесена стратегия развития сельских территорий до 2030 года. И необходима, конечно, увязка этого вопроса с развитием, с реализацией нашей государственной программы по развитию сельского хозяйства, но и также надо понимать, что это задача комплексная. Мы за последние годы, к сожалению, не смогли добиться такого четкого, структурированного решения по

развитию сельских территорий. У нас предложения есть, мы готовы тоже их на отдельной площадке обсудить.

В.И. МАТВИЕНКО

Спасибо, Игорь Евгеньевич.

Сергей Юрьевич Глазьев, советник Президента Российской Федерации.

Пожалуйста, Вам слово.

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Уважаемая Валентина Ивановна, уважаемые коллеги! Начну с того, что 2014 год по нашим замыслам, которые мы обсуждали несколько лет назад, должен был стать переломным. Мы должны были перейти на инновационный путь развития, развернуть структурную перестройку экономики. И это год ключевой для выполнения майских указов Президента 2012 года, в которых были поставлены задачи макроэкономической политики. И, к сожалению, приходится констатировать, что эти задачи не только не выполнены, но и... Стагфляция, которая развернулась в нашей экономике, во многом связана с неадекватной, с моей точки зрения, макроэкономической политикой. Не столько с внешними причинами, сколько с нашей внутренней пассивностью, инертностью, неспособностью вовремя ответить на внешние вызовы. Начну с арифметики.

В этом году прогнозируется отток капитала в размере от 100 до 120 млрд. долларов. Это примерно 5 трлн. рублей мы теряем. Возврат иностранных кредитов, о чем уже Алексей Валентинович сказал, до конца будущего года – порядка 130 млрд. долларов. Это еще 5 триллионов. Внутренняя долларизация экономики, которая идет в связи с бегством от рубля, – это еще не менее 1 триллиона. Таким образом, мы теряем в ближайшие месяцы порядка 11 трлн. рублей. Это практически половина денежной базы, которая у нас сформирована в основном под иностранные источники, и уход этих иностранных источников лишает нашу экономику главного – нормального денежного оборота.

Плюс к этому, замечу, у нас висит 500 млрд. долларов в офшорах, и примерно половина негосударственных инвестиций наш бизнес финансирует через офшоры. Офшоры находятся в английской юрисдикции. В любой момент путем санкций они могут

быть отсечены от нашей финансовой системы. Таким образом, перед нами стоит очевидная задача – найти способ замещения внешних источников финансирования внутренними и прекратить отток капитала. К сожалению, ни в одном из документов ни Центрального банка, ни Правительства мы не видим путей решения этих задач. Говорится о том, что нам нужно воздержаться от усиления валютного регулирования и валютного контроля, ни в коем случае не вводить регулирование трансграничного движения капитала. И в то же время Центральный банк, руководствуясь какими-то абстрактными соображениями, пытается решать эти проблемы путем повышения процентной ставки и отпуская рубль в свободное плавание. Что происходит? Когда повышается процентная ставка ключевая до 9,5 процента, значит, на рынке это не меньше 11 процентов, это при том, что средняя рентабельность в экономике порядка 10 процентов, в машиностроении и строительном комплексе и того ниже, значит, получается, что таким способом Центральный банк отсекает финансовый сектор от производственного сектора.

Кредиты предприятия брать не могут по таким процентным ставкам, это одной рукой. А другой рукой отпускается рубль, курс рубля. Что это означает? Что банкам не имеет смысла давать кредиты реальному сектору, и они получают сигнал (все участники финансового рынка) о том, что рубль будет падать, где можно получить тысячи процентов годовых в расчете на год, в течение пяти дней обернуть капиталы на спекуляциях и на падении курса рубля получить сверхприбыли. То есть эта политика как раз и загнала нас в стагфляционную ловушку. Повышаются процентные ставки – деньги уходят из реального сектора, падают на финансовый рынок, падает курс рубля, поднимается инфляция, соответственно, еще больше ужесточаются условия кредита, еще больше падает производство и инвестиции.

Мы сегодня вошли в зону отрицательного прироста денежной массы, и в такой ситуации никогда не может быть экономического роста. Фактически мы повторяем траекторию, которая предшествовала кризису 2008 года и кризису 1998 года. (На слайдах видно, что тот кризис, который мы имеем сегодня, во многом носит рукотворный характер.) То есть мы оказались в стагфляционной ловушке искусственным путем. Нам говорят, что так нужно действовать, потому что есть некие фундаментальные рыночные

закономерности, которые заставят спекулянтов вернуться обратно на валютный рынок, но уже продавать валюту, и банки заставят затем кредитовать производства.

На самом деле, коллеги, никакого у нас финансового рынка нет. Там работают два десятка финансовых спекулянтов, которые качают деньги вверх-вниз на финансовом рынке, получают гигантские прибыли, а мы на это дело смотрим.

Действия денежных властей, с моей точки зрения, явно усугубили ситуацию. Деньги налогоплательщиков изъяты из экономики в объеме 9 трлн. рублей. Центральный банк вернул примерно 6 триллионов через рефинансирование. Таким образом, совокупное влияние денежных властей на денежное предложение отрицательное.

Большая часть денег, которые были возвращены Центральным банком в экономику через рефинансирование коммерческих банков, ушли на валютный рынок. Ушли, потому что нет механизмов валютного регулирования.

Я прошу две минуты буквально, Валентина Ивановна, для изложения предложений.

В.И. МАТВИЕНКО

Пожалуйста, сколько нужно.

Добавьте время.

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Мы внимательным образом (я забегаю немножко вперед, я думаю, будут выступать мои коллеги из академии наук) проанализировали и основные направления денежно-кредитной политики, и прогноз (я заключение передам). Нам приходится констатировать, что при том, что в экономике есть очевидные возможности для роста производства, загрузка производственных мощностей в разных секторах колеблется от 40 до 80 процентов. Мы оцениваем использование производственного потенциала в экономике на две трети примерно. Одна треть производственного потенциала не используется. Рассуждения Центрального банка о том, что у нас полностью исчерпаны трудовые ресурсы и возможности расширения производства, нам кажутся, мягко говоря, странными, совершенно не адекватными реальной действительности. На самом деле и безработица есть, и есть высокая скрытая безработица, и гигантские возможности

повышения производительности труда, и нас сегодня не лимитируют ни производственные мощности, ни трудовые ресурсы, ни тем более сырье. Нас лимитирует денежная политика, которая искусственно загнала экономику в стагфляционную ловушку. Причем имеющиеся производственные мощности нам позволяют добиться повышения роста валового продукта примерно на 4–6 процентов ВВП.

На заседании Госсовета недавно говорилось о масштабе импортозамещения. Это 3 триллиона (цифра называлась) дополнительной продукции благодаря импортозамещению. Но для всего этого нужны кредиты. Для этого нужно не изымать деньги из экономики, а вливать их в экономику.

Главный тезис, который я хочу обосновать, заключается в том, что если мы не будем заниматься контролем за движением денег, не будем пресекать сомнительные операции, через которые капитал хлещет за рубеж, мы обеспечить увеличение денежного предложения в экономику не сможем. Я уже упомянул цифру: 6 триллионов Центральный банк выдал через рефинансирование коммерческих банков. Но есть график, который показывает, что значительная часть этих денег ушла на валютный рынок. Потому что банки, получая у Центрального банка под 9,5 процента сегодня годовых, раньше они получали 5,5, дальше они, как я уже говорил, либо должны вкладывать в реальный сектор с высокими рисками, и мало кто из предприятий берет под такие процентные ставки, либо идти на валютный рынок. Они идут на валютный рынок, потому что никто им не мешает это делать.

Поэтому, уважаемые коллеги, без введения элементарных норм валютного регулирования и контроля добиться дешевых и длинных денег в экономике мы не сможем. Всё увеличение рефинансирования будет уходить на валютный рынок, как это было и в 2007–2008 годах, и раньше.

Какие меры здесь могут быть? У Центрального банка огромный инструментарий, начиная от фиксации валютной позиции, что было сделано успешно после кризиса 1998 года, и это пресекло банковские спекуляции на валютном рынке, и заканчивая временными фильтрами на вывоз капитала. То есть речь идет не о том, чтобы перекрыть движение, трансграничное движение капитала, речь идет о том, чтобы прекратить

нелегальный отток капитала и отсечь спекулятивное движение капитала, которое дестабилизирует рынок и не дает возможности наращивать денежное предложение.

Сделать это можно путем введения налогообложения на трансграничные операции, по которому сомнительные операции будут облагаться, скажем, по ставке НДС. Если эта операция не сомнительная, а реальная, оплата импорта или уплата процентов, то этот налог возвращается. Могут быть введены требования декларирования операций по ввозу капитала, лицензирования операций по ввозу капитала и так далее, но весь этот инструментарий сегодня отложен и не применяется.

Деофшоризация. Я не буду развивать эту тему, скажу только, что, несмотря на все наши разговоры и даже принятый закон, продвигаемый сегодня, большая часть аномально высокого оттока капитала, который зафиксирован в октябре, это прямой уход денег в офшоры. А Васька слушает, как говорится, да ест.

При этом если посмотреть, кто выводит деньги в офшоры, то как раз вовсе не те корпорации, у которых плохой инвестиционный климат. Это как раз в основном те, которые пользуются весьма серьезными и хорошими позициями на нашем рынке и во взаимоотношениях с органами власти.

И после этого, после того, как мы введем контроль за движением капитала для того, чтобы (еще раз подчеркну) отсечь нелегальный отток капитала и затруднить спекуляции против нашего финансового рынка, после этого возможно резкое расширение и удлинение кредита.

Президент поставил задачу – вывод нормы накопления на 35 процентов. Уже третий год идет, она по-прежнему колеблется на уровне 20 процентов. Это при том, что действительно объем сбережений в экономике – 30 процентов. Но эти сбережения уходят в офшоры, утекают из страны. И без этих мер, о которых я сказал, ничего, как мы видим, не получается сделать. В ситуации, в которой мы находимся, существует единственный способ увеличить норму накопления – это наряду с прекращением нелегального оттока капитала обеспечить резкое увеличение кредитования экономики. Причем речь идет не о 20 – 30 млрд. рублей, а речь идет о триллионах.

Смотрите, если мы хотим импортозамещение – 1 трлн. рублей дополнительной продукции, минимум нужно дать 1 триллион (оборотный капитал) предприятиям, чтобы они получили кредиты для того, чтобы выполнить производственный цикл. 5 трлн. рублей – прямой дефицит денег в экономике, который образуется из-за того, что уходят иностранные кредиты, которые нужно замещать. То есть речь идет о том, что мы должны обеспечить резкое увеличение объема кредита и снижение процентной ставки. Делать это без целевого контроля за движением денег тоже очень рискованно и едва ли эффективно. Поэтому те банки, которые приходят к рефинансированию в Центральный банк, должны брать на себя обязательства не направлять кредиты, которые они от Центрального банка получают, на валютный рынок. Центральный банк должен контролировать движение этих денег. И, разумеется, главная наша надежда – это резкое расширение кредитования институтов развития, которые могли бы, работая по принципам проектного финансирования, обеспечивать приток длинных денег в повышение инвестиций, потому что без повышения инвестиций никакого экономического роста и модернизации быть не может. И здесь, опять же, главный источник – расширение кредита.

Мы сегодня имеем норму кредитоемкости экономики, объем кредита к ВВП – порядка 40 процентов. Мировой опыт истории экономического успеха говорит о том, что если вы хотите вырваться вперед, вам нужно иметь объем кредита к ВВП не меньше 100 процентов. В Китае сегодня 180 процентов, в большинстве стран – 120 – 140 процентов. У нас население уже не является кредитором, оно заемщик в экономике. Финансовые институты не созданы. Идет колоссальный отток капитала, как я уже говорил. И фактически у нас единственный источник наращивания инвестиций – это долгосрочный кредит, который должен генерировать Центральный банк, и задача стоит по демонетизации экономики в разы. То есть мы должны за несколько лет совершить этот рывок. Совершить его в рамках существующей системы денежного регулирования невозможно, потому что деньги уходят не туда, уходят на валютный рынок, и выливается это все в инфляцию.

Если мы сумеем обеспечить контроль за движением денег, ввести контроль за движением трансграничных операций и откроем возможности расширения и удлинения

кредита, тогда у нас выполняется первое необходимое условие для успешного развития – финансовое обеспечение этого развития, без которого оно в принципе невозможно.

И дальше, я уже не буду останавливаться, идет целый набор мер, о которых мы много раз говорили, начиная с Федерального закона "О стратегическом планировании в Российской Федерации" (Валентина Ивановна упомянула).

Я удивляюсь, столько (три года) мы его писали, продвигали, смотрим документ, прогноз Правительства: введение институтов стратегического планирования запланировано аж на 2017 год. Неужели нельзя быстрее создать необходимые подзаконные акты для того, чтобы механизм стратегического планирования в полной мере заработал? Ведь мы живем сегодня на переломном этапе (смена технологических укладов). Очень важен правильный выбор приоритетов, очень важно целевое стимулирование точек роста, потому что новый уклад растет с темпом 30–35 процентов в год, и частный бизнес нуждается в том, чтобы государство указало эти ориентиры и помогло их освоить.

И последнее, о чем я хотел сказать. Увеличение финансовых ресурсов для развития с точки зрения эффективности их использования упирается, конечно, в кадры, в то, как люди работают. Та система, которую я предлагаю, – увеличение объемов кредита, снижение процентных ставок, переход к рефинансированию... Расширение рефинансирования коммерческих банков под спрос со стороны предприятий предполагает резкое ужесточение ответственности, и в том числе ответственности за цену денег. Мы должны регулировать банковскую маржу. Мы должны сделать так, чтобы не предприятия встали в очередь за кредитами, а банки, как олигархи, снисходительно на них смотрели, а банки должны бегать за клиентами, как это во всем мире происходит. Для этого нужно банковскую маржу регулировать.

Если мы даем дешевый кредит, мы не должны давать возможность спекулировать на этом дешевом кредите, поднимая процентные ставки. А если мы расширяем институты развития, и они сегодня созданы, Алексей Валентинович о них сказал...

И последнее, о чем я хотел сказать. Занимаясь вопросами евразийской интеграции, с болью буквально смотрю, мы создали центры инновационных технологий с небольшими деньгами, каждое правительство дало всего лишь по 30 млн. рублей. Белорусы бегают изо

всех сил, готовят площадки, требуют от нас вложений, а наша Российская венчурная компания делает вид, что их это вообще не касается. Вот такого чванливого, безразличного отношения к делу я вообще в жизни не встречал. То есть у нас появляется ситуация, когда мы вкладываем деньги в институты развития, эти институты развития хранят деньги на депозитах в коммерческих банках, живут на проценты и, как жирные коты, снисходительно наблюдают за инноваторами, инженерами, предпринимателями, которые не могут их расшевелить, чтобы они начали работать.

То есть без планирования, без ответственности у нас даже при деньгах развития не будет.

Спасибо.

В.И. МАТВИЕНКО

Благодарю Вас, Сергей Юрьевич.

Позвольте предоставить слово Владимиру Владимировичу Якушеву, губернатору Тюменской области.

Владимир Владимирович, пожалуйста, Вам слово.

В.В. ЯКУШЕВ

Уважаемая Валентина Ивановна, уважаемые участники заседания! Я буквально коротко хотел бы поддержать все то, что сказал Сергей Юрьевич. Опыт в этой работе у меня есть: прежде чем прийти на государственную службу, я возглавлял один из крупнейших региональных банков, поработал с той стороны, теперь работаю с другой стороны. Поэтому то, что на сегодняшний день сказано Сергеем Юрьевичем, я могу это полностью подтвердить. Потому что когда есть возможность заработать на валютном рынке такой объем, в общем-то, доходности, то банкир в любом случае найдет возможность, как перебросить эти деньги на валютный рынок и заработать там приличные деньги. Иначе он плохой банкир.

Поэтому в этой ситуации то, что было сказано, это действительно так. Поэтому те деньги, которые дает Центральный банк, те деньги, которые будут поступать, допустим, в уставной капитал наших государственных банков, естественно, такая возможность упущена не будет. Поэтому здесь это имеет место быть. И вот здесь уже, как говорится, с

земли мы можем четко сказать: действительно, процентные ставки выросли, малый бизнес в ужасе на территориях, то, что касается производителей. Мало того, что выросла процентная ставка, сегодня главная проблема – ужесточились требования к обеспечению. То есть по факту производители вообще не могут взять кредит. Речь уже не идет о процентной ставке. Они готовы взять за 12 процентов годовых, но им никто их не дает, потому что сегодня так ужесточилось требование к обеспечению, что здесь, в общем-то, возникает очень много вопросов.

И самое главное, что ужесточение как раз произошло в государственных банках. Я думаю, что здесь мы должны на это повлиять.

Теперь в отношении вопросов, связанных с региональной политикой. Я очень коротко.

Налоговый маневр. Очень много об этом уже сказано. Не буду повторять, в чем он заключается. Но постоянно речь идет о том, как это отразится на нефтяниках, как это отразится на государстве. И все забывают про региональные бюджеты. Могу сказать о том, что налоговый маневр в связи с увеличением НДС и уменьшением налога на прибыль, а у нас нефтяные компании платят в наш бюджет, в 2016 году наш региональный бюджет теряет 1 млрд. рублей, в 2017 году – порядка 1,5 млрд. рублей. Хотел бы обратить внимание на то, что здесь мы тоже в числе потерянных.

Поэтому предложение: предусмотреть по налогу на прибыль организаций и акцизам механизм 100-процентной компенсации выпадающих доходов региональных бюджетов, носящий долговременный характер (минимум 5 лет).

Теперь об имущественных налогах. Идет переход на налогообложение имущества на основе кадастровой стоимости. При этом вся информационная база и регулирование в этой сфере находятся в ведении федеральных структур. Базы данных налоговых органов и Росреестра существуют как взаимосвязанные, но самостоятельные базовые информационные ресурсы, в которых содержится очень много несоответствий, значительная доля ошибок и, самое главное, они не охватывают все имущество. С этим, я думаю, столкнулись все субъекты Российской Федерации. Я думаю, коллеги, которые будут здесь выступать, также это подчеркнут.

Поэтому считаю необходимым принять на уровне Российской Федерации принципиальное решение и провести за счет средств федерального бюджета в целом по России необходимый комплекс землеустроительных и кадастровых работ в отношении всех субъектов недвижимости в целях 100-процентного учета всего налогооблагаемого имущества населения. Сегодня в территориальных органах этих денег нет. Поэтому этот вопрос повис в воздухе.

Потребительский рынок. Мониторинг показывает, мы мониторим сегодня рост цен на продукты питания, при этом нужно сказать, что у нас отсутствуют законодательно закрепленные полномочия субъектов Российской Федерации по регулированию и контролю за установлением цен на социально значимые продовольственные товары.

Предложение – внести изменение в статью 8 Федерального закона "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации" в части предоставления субъектам Российской Федерации полномочий по установлению предельных розничных надбавок по перечню товаров, установленному Правительством Российской Федерации. Понятно, что там товары первой необходимости, которые в первую очередь приобретают низкооплачиваемые слои населения, то есть это хлеб, молоко, кефир и так далее.

Одновременно предлагаю в этот же закон внести изменения в части снижения размера вознаграждения за вход в сеть и оплаты маркетинговых услуг торговых сетей. Мы помним историю принятия закона о торговле. Все сельхозтоваропроизводители надеялись на то, что в этом законе появится главная статья, которая четко пропишет, какую на сегодняшний день надбавку будут иметь производитель, переработчик и розничная сеть. В конечном итоге эта статья была выхолощена, видимо, у торговых федеральных сетей очень сильное лобби, и мы в принципе этот закон потеряли. Поэтому предлагаю сегодня в этих условиях к этому вернуться, потому что иначе мы с вами никогда неотрегулируем цены. И если сегодня перед нами стоит задача, чтобы не было такого повышения... в общем-то, сети гонятся за своим, они хотят получить свое, поэтому здесь эти вопросы просто неотрегулировать.

Следующий вопрос – сельское хозяйство. Стоимость дизтоплива, используемого в полевых работах, увеличилась к уровню 2010 года в 2,5 раза, простых минеральных удобрений – в 1,5 раза, электроэнергии – в 2,4 раза, в структуре затрат расходы на приобретаемые материальные ресурсы занимают более 30 процентов, не учитывая стоимости приобретаемой сельскохозяйственной техники и расходных материалов к ней. При этом... *(Микрофон отключен.)*

Можно еще одну минуту, Валентина Ивановна?

В.И. МАТВИЕНКО

Да, конечно.

Продлите, пожалуйста, время.

В.В. ЯКУШЕВ

На 1 ноября 2014 года (это по мониторингу Минсельхоза) закупочные цены сельхозтоваропроизводителей остались практически на том же уровне. Поэтому когда мы им ставим сегодня задачу, что наши сельхозтоваропроизводители не должны повышать цены, мы понимаем, чудес-то в этой жизни не бывает. Тогда мы либо субсидируем им эти затраты на минеральные удобрения, ГСМ и электроэнергию, либо спокойно переживаем то, что сельхозтоваропроизводители повышают цены. В противном случае мы потеряем наше сельское хозяйство. Вот реальное состояние дел.

Поэтому предложение: Минсельхозу рассмотреть возможность увеличения субсидий на несвязанную поддержку.

Еще один момент, который касается Минсельхоза. Сегодня в Россельхозбанке рассматривается очень много новых инвестиционных проектов. При этом мы понимаем, что у Россельхозбанка нет кредитных ресурсов. Эти, так сказать, инвесторы (они сегодня появляются в регионах, и у нас тоже много таких инвесторов), в общем-то, рассказывают о том, что им гарантирована поддержка Россельхозбанка и так далее.

Предложение – чтобы на сегодняшний день Министерство сельского хозяйства четко определило перечень тех инвестиционных проектов, которые они будут поддерживать, чтобы мы четко понимали, с кем мы сегодня должны иметь дело, а с кем нет, чтобы они нам просто не морочили голову. В противном случае это отнимает очень

много времени, они начинают скупать земли, потом превращают всё это в непонятные махинации и так далее, чтобы этот список был прозрачным.

Также предусматривается внести поправки... *(Микрофон отключен.)*

В.И. МАТВИЕНКО

Продлите время, пожалуйста.

Пожалуйста.

В.В. ЯКУШЕВ

Также есть предложение о внесении поправок в 44-й и 223-й федеральные законы, об этом говорилось, о закупках в части установления исчерпывающего перечня высокотехнологичной и инновационной продукции. Мы с вами говорим, что нам ее надо закупать, но при этом мы с вами строим, допустим, какой-то водовод (труба либо стальная, либо она из новой современной пластмассы), который стоит несколько миллиардов рублей, но нигде никаких ограничений нет. И если сегодня субъект заинтересован в том, чтобы там применялся высокотехнологичный материал, то он, конечно, каким-то образом проведет аукционную закупку, чтобы была именно эта труба. Но если этого нет, то будет положена стальная труба, сроки эксплуатации которой совершенно иные. Поэтому с этим перечнем нужно четко определяться, и всё-таки перечню именно высокотехнологичной инновационной продукции, именно производства Российской Федерации в этих двух законах надо дать приоритеты. Поэтому предлагаю в эти два законодательных акта также внести изменения.

Господдержка промышленных предприятий. Минпромторг России, в отличие от Минэкономразвития и Минсельхоза, – на сегодняшний день единственное министерство, которое осуществляет поддержку напрямую, рассматривая инвестиционные проекты предприятий. Мы считаем, что данный вид поддержки неэффективен, потому что наши предприятия сколько ни заявлялись... Допустим, фанерный комбинат, который на сегодняшний день поставляет свою продукцию в 36 стран и, несмотря на все кризисы, только наращивает объемы, сколько ни стучался в Минпромторг, никакой поддержки не получил.

Поэтому предлагаю Минпромторгу взять за основу поддержку Минэкономразвития и Минсельхоза, когда они дают деньги на уровень региона. И регион уже, софинансируя эту поддержку, поддерживает конкретное предприятие. Потому что считаем, что эта процедура непонятна, непрозрачна. И мы до сих пор не понимаем, кого мы на сегодняшний день за счет этого министерства поддерживаем.

Что касается финансовых институтов. Валентина Ивановна, могу подтвердить, что на сегодняшний день практически все эти институты перебивали у нас на территории, но ни одного проекта у нас с ними не сложилось. Причем это деньги государственные, деньги в принципе бесплатные, но процентные ставки, по которым нам предлагалось участвовать в этих проектах от наших финансовых институтов, созданных государством, не были меньше, чем ставки, которые нам предлагали коммерческие банки. Соответственно, встает вопрос: что это за финансовые институты, которые не предлагают ставки ниже, чем коммерческий банк? Это первое.

Во вторых, условия, по которым они нам предлагали участвовать в этих проектах (залог, государственные гарантии и так далее), были еще жестче, чем в коммерческом банке.

На вопрос "почему это так?" никто из представителей этих финансовых институтов ответить мне не смог. Поэтому встает вопрос... Они на очень высоком уровне заявляют об отсутствии проектов, а мы сегодня говорим о том, что проекты такие есть на территориях.

В Тюменской области сегодня сформирован портфель инвестиционных проектов на сумму 1 330 млн. рублей. За каждый проект я готов ответить головой. Ни с одним инвестиционным институтом я договориться не смог о том, чтобы они участвовали в этом.

И еще два вопроса, буквально 15 секунд.

Я думаю, что Минэкономразвития рано или поздно все равно придется вернуться к вопросу амнистии капитала. В 2004 году она проходила. Прошла она не очень хорошо, потому что условия были, наверное, не те, какие были в других странах.

Естественно, дабы сегодня бороться с оттоком капитала и привлечь капитал, чтобы он работал в нашей стране... Условия можно проговаривать, но, я думаю, что в

любом случае нам к этой теме надо возвращаться, дабы те деньги не отдавать опять же в те страны, которые сегодня нам объявляют очень жесткие условия, и мы чувствуем себя не очень комфортно, но при этом выводим деньги в эти же страны, финансируя их экономику. Я думаю, эта тема обязательно должна быть рассмотрена.

И еще один момент, который касается социальной политики. В рамках такого короткого выступления очень сложно всё сказать, Валентина Ивановна. Я предлагаю создать при Совете Федерации рабочую группу, обязательно пригласить туда представителей субъектов Российской Федерации. Я знаю, что эта тема очень болезненная, и не все хотят с этой темой работать, но я считаю, что к этой теме нужно возвращаться, потому что в сегодняшних условиях мы должны гарантировать все социальных выплаты. Бюджет должен все это сделать, естественно, об этом говорит глава государства.

Я думаю, что у нас есть ряд льгот, по которым у нас... одинаково эти льготы получают люди, имеющие доход в несколько миллионов, и те люди, которые сегодня не получают никакого дохода, а живут только за счет субсидий, за счет государства. Я думаю, что настало время, когда здесь нужно расставить акценты. Спасибо.

В.И. МАТВИЕНКО

Благодарю Вас, уважаемый Владимир Владимирович, за очень содержательное выступление, конкретные предложения.

Я прошу взять слово губернатора Тульской области Владимира Сергеевича Груздева.

Пожалуйста, Владимир Сергеевич.

В.С. ГРУЗДЕВ

Добрый день, многоуважаемая Валентина Ивановна! Добрый день, уважаемые коллеги! Я постараюсь не повторяться, потому что многие вопросы уже были обозначены. Я хочу показать на цифрах, как происходит экономическое развитие, на примере Тульской области.

Например, с 2011 по 2013 год валовой региональный продукт Тульской области увеличился почти на 40 процентов, индекс промышленного производства вырос на 42 процента (это пятое место в Российской Федерации) и практически на треть увеличился

консолидированный бюджет области. Прирост собственных доходов составил 52,5 процента. Общий объем инвестиций в основной капитал за три года составил более 250 млрд. рублей, и доля инвестиций ВРП уже сегодня превышает 26 процентов.

Созданный задел позволил Тульской области занять лидирующие позиции по выполнению майских указов Президента Российской Федерации Владимира Путина. И на начало 2014 года количество высокопроизводительных рабочих мест составило 211 тысяч единиц.

Рост реальной заработной платы в 2013 году по отношению к 2011 году составил 118 процентов. И по динамике ввода жилья в 2013 году Тульская область заняла третье место в Российской Федерации.

В целом, несмотря на позитивные результаты по росту собственных доходов бюджета Тульской области за последние годы, дефицит бюджета сегодня находится на предельно допустимом законодательством уровне и составляет 8,5 млрд. рублей.

Бюджет области на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов формируется в условиях непростой внешнеэкономической, внешнеполитической ситуации, и прогноз бюджета носит достаточно консервативный характер. Запланированный объем собственных доходов, спрогнозированных на следующий, 2015, год, ниже, чем в 2014 году.

В этой ситуации мы стараемся изыскивать резервы, не допускать увеличения расходов бюджета области. Но при этом хочу сказать, что структура бюджета такова, что 95 процентов расходов приходится на заработную плату, социальные выплаты, дорожный фонд, на обслуживание долга и помощь муниципальным образованиям. Практически все расходы – это защищенная статья, от них мы не можем отказаться. А все инвестиционные расходы нужно осуществлять либо за счет заимствований, либо за счет роста дефицита, которые, в свою очередь, ограничены решениями Минфина Российской Федерации.

Именно поэтому при формировании расходов на 2015 год мы были вынуждены снизить расходы, отказаться от многих расходов, носящих капитальный характер, оставив в приоритете переселение из аварийного жилья и строительство дорог. Тульская область

имеет очень большой объем аварийного жилья. Более 320 тыс. кв. метров мы должны построить до 2017 года, а общий объем – более 2 млн. кв. метров.

Эти меры дали нам возможность снизить дефицит бюджета до 3 миллиардов в следующем году и уменьшить его по сравнению с текущим годом почти на 6 миллиардов.

Я почему привел эти цифры? Я хочу, чтобы мы коснулись тех вопросов, которые затрагивают все регионы. Вот смотрите: профицит федерального бюджета за 10 месяцев текущего года составляет 1,2 трлн. рублей. При этом долг регионов составляет 2,5 трлн. рублей. Ставки Сбербанка, которые на сегодняшний день нам рекомендуют, нижняя ставка для заимствования регионов... Тульская область относится к высокообеспеченным регионам, и ставка для нас составляет 12,3 процента. То есть, с одной стороны, государственные банки и банки с государственным участием обращаются в ФНБ России и просят предоставить им дополнительные средства, при этом тут же размещают эти средства в региональные займы либо в государственные бумаги регионов. Ставки, сами понимаете... в принципе на эти 2 процента, что называется, так и живем.

Хочу сказать, что при этом общий объем долга Тульской области следующий: всего 11 процентов – это бюджетные средства, а 90 процентов – это средства коммерческие.

У меня есть несколько конкретных предложений. Мы много обсуждали ставку на малый и средний бизнес. Мне кажется, когда мы принимаем такие решения, мы убиваем атмосферу. Самое важное у нас – это атмосфера. Люди либо хотят инвестировать, либо не хотят. Цена вопроса в целом копеечная. Ну, города федерального значения получают 2,5 миллиарда дополнительных доходов, и то если правильно их администрировать. При этом, по оценкам специалистов, у нас свыше 50 процентов оборота тяжелого алкоголя – нелегально. Если мы смогли с вами выстроить нормальную, понятную, прозрачную систему работы с пивом... *(Микрофон отключен.)*

Можно еще одну минуту?

В.И. МАТВИЕНКО

Да, завершайте, пожалуйста.

Продлите время.

В.С. ГРУЗДЕВ

По тяжелому алкоголю мы, к сожалению, обеспечить четкую, прозрачную систему так и не смогли. Там десятки миллиардов рублей. Зачем нам трогать ту курицу, которая несет золотые яйца, при этом не заниматься тем, чем мы должны заниматься в ежедневном режиме? Это первое предложение.

Второе. Я считаю, что при размещении новых производств стоимостью свыше 5 миллиардов должна быть не только ответственность регионов, но и ответственность федерального Правительства. Причем, я подчеркну, это не ответственность Министерства сельского хозяйства или Министерства промышленности и торговли, это ответственность федерального Правительства. Регионы должны конкурировать за малый и средний бизнес. Но при размещении крупных производств здесь должно быть федеральное планирование.

Следующее. Государство – это прежде всего локомотив инвестиций, экономического развития страны. Вот мы много говорим о закупках для государственных нужд.

Валентина Ивановна, до 2020 года оборонно-промышленный комплекс должен проинвестировать в обновление своих станков 6 трлн. рублей. У нас нет ни одного российского станка на наших оборонно-промышленных предприятиях. Это не только вопрос эффективности, это вопрос национальной безопасности.

И последнее. Уважаемые коллеги, по моему глубокому убеждению, именно человеческий потенциал сегодня является нашим главным стратегическим ресурсом, который нам поможет реально реализовать те задачи, которые есть. А ответственны за это мы все с вами, потому что мы являемся представителями не только регионов, мы являемся представителями наших жителей, избирателей. Мы – элита. Ответственность – на нас.

Спасибо.

В.И. МАТВИЕНКО

Благодарю Вас.

Виктор Иванович Ивантер, директор Института народно-хозяйственного прогнозирования Российской академии наук, член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации.

Виктор Иванович, пожалуйста.

Коллеги, прошу сразу начинать...

В.В. ИВАНТЕР

Виктор Викторович.

В.И. МАТВИЕНКО

Ой, простите, Виктор Викторович, виновата. Давно Вас не видела. Простите.

Пожалуйста.

В.В. ИВАНТЕР

Валентина Ивановна, Вы совершенно правы, что никаких оснований для всхлипываний и ужаса нет, потому что те санкции, которые введены, пока никакого влияния на экономику не оказали.

Я думаю, в этом году темп экономического роста будет близок к 1 проценту. Если за прошлый год было 1,3... основной вклад тоже был внесен не реальным сектором, а финансовым сектором, был рост порядка 13 процентов, то мы с вами видим, что никаких оснований для всхлипываний нет.

Почему? Потому что это продолжение тренда, а тренд был связан с тем, что мы сбросили инвестиции, и довольно существенно сбросили эти инвестиции, и ничего ровно не делали для того, чтобы они увеличились. И когда были сброшены инвестиции государственные и корпораций с госучастием, то совершенно естественно, что и частный бизнес тоже пошел по этому пути, не сразу, а потом. Я думаю, что проблема...

Кстати говоря, ведь есть способы решения этой проблемы. Мое предложение – попытаться один раз сделать то, что начальство велело. Вот Президент сказал: давайте введем систему рефинансирования на основе проектного финансирования. Не проектное финансирование, проектное финансирование существует во Внешэкономбанке (это большое учреждение, понимаете). Речь идет о рефинансировании на основе проектного финансирования. Было поручено сделать такую инструкцию, как это делать. Если вы с ней ознакомитесь, я вам гарантирую, что по этой инструкции никакого рефинансирования не будет.

Что там сделано? Выбраны банки, которые этим должны заниматься, ответственные банки. Эти банки с помощью своих проектных отделов решают вопрос, хороший проект или нет, и несут реальную финансовую ответственность за это.

После этого создается межведомственная комиссия, которая и будет эту проблему исследовать. Что она будет исследовать? Причем она никакой ответственности не несет. Но этого мало.

После этого нужно получить еще гарантию 25 процентов Министерства финансов. А при чем здесь Министерство финансов? Это же бюджет. Мы же договорились, что это не бюджет будет делать, а банки.

На мой взгляд, для чего это сделано? Для того чтобы никакого рефинансирования не было. Вот для этого сделано. Почему? Потому что выделено Минфином 30 миллиардов, умножаем на четыре, получаем 120 миллиардов. То есть это издевательство. Не 120 млрд. долларов, а 120 млрд. рублей. Ничего делаться не будет.

Предложение такое. Первое – эту инструкцию пересмотреть, все эти гарантии минфиновские убрать, простите, к чертовой матери и сделать нормальную ответственность банков. Банки несут ответственность, и этого совершенно достаточно.

Второе обстоятельство. Это нужно довести до среднего бизнеса. То есть это означает, что нужно, чтобы эта система еще была в регионы приведена, где этим бы занимались уже региональные банки и несли за это ответственность.

Естественно, что нужно время и нужно умение с этим работать. Нужно начать это. Если мы с этого начнем, это будет реальный нормальный способ экономического роста на основе инвестиций, и он может быть распространен и для остальных вещей.

Что касается общей экономической политики, то довольно много критики в адрес политики Центрального банка. Я, честно говоря, не могу ничего добавить, потому что не понимаю, что они делают. А что они делают? Они боролись с инфляцией – инфляция выросла. Они отвечают за стабильность валюты – стабильности нет. Видимо, всё-таки не то сделано.

Что касается ключевых ставок, это полное безобразие. С 5,5 процента увеличить до 9,5... Следовательно, если первоначально (минуту я прошу) по рефинансированию

получали кредиты банки – ключевая ставка минус процент, это за 4,5 процента (да?), а теперь это будет 9,5, не знаю, 8,5 процента, то есть вдвое дороже. А рентабельность в экономике не увеличилась.

Вот мне кажется, что нужно все-таки... было бы неплохо один раз сделать то, что решили, и довести дело до ума. И тогда, я думаю, мы получим реальный экономический рост. Спасибо.

В.И. МАТВИЕНКО

Благодарю Вас, уважаемый Виктор Викторович. Спасибо Вам за участие, за выступление.

Я предоставлю слово Мурычеву Александру Васильевичу, вице-президенту Российского союза промышленников и предпринимателей.

Александр Васильевич, пожалуйста, Вам слово.

Наш уважаемый академик показал, как надо соблюдать регламент.

Пожалуйста.

А.В. МУРЫЧЕВ

Уважаемая Валентина Ивановна, уважаемые коллеги! Я тоже постараюсь быть краток.

Первое предложение, самое важное в данный момент, от Российского союза промышленников и предпринимателей, которое неоднократно звучало, – это, конечно же, определить стабильность фискальной нагрузки на ближайшие годы. Нас, конечно, чрезвычайно не устраивает та ситуация, что за последнее время очень много разного рода предложений разных ведомств звучит для целей прежде всего увеличения этой фискальной нагрузки. Но это никак не гармонирует с учетом текущего момента и связано прежде всего с обеспечением, созданием мотивированного рынка, тем более в области импортозамещения.

Даже те законы, которые принимаются, и есть в этом необходимость по версии Правительства, конечно, они должны иметь отлагательный принцип вступления в силу, то есть минимум на год, чтобы не ставить бизнес в очень неудобное положение.

Вторая позиция – это низкая предсказуемость делового климата в стране, который, конечно, существенно ограничивает любого рода инновационную и инвестиционную активность бизнеса. И здесь я хотел бы сказать, что важно, чтобы предложения российского бизнеса имели место на практике, прежде всего в деятельности с законодателями, с Правительством. Я имею в виду то, что оценку регулирующего воздействия надо вводить по всем законопроектам, которые влияют на развитие предпринимательской и деловой среды в Российской Федерации, в том числе и проектам тех законов, которые подготовлены ко второму чтению.

Очень слабая позиция – это обеспечение финансами именно уровня среднего предпринимательства, подчеркиваю. Основной акцент по программам импортозамещения делается именно на этот уровень бизнеса, а практических шагов не предпринимается. Это интервал от 150 до миллиарда рублей заемных ресурсов для развития тех или иных программ.

В этих условиях я хотел бы сказать, что, конечно же, финансовые институты работают слабо, я с этим соглашусь. Регулятор, конечно, очень много сделал для того, чтобы создать психологическую неустойчивость на рынке. Но все-таки последние действия, которые Центральный банк предпринял, я бы хотел поддержать, с точки зрения предложения рынку инструмента валютного обеспечения на год через РЕПО, с одной стороны, и, наконец-то, перевода рубля в свободное плавание на рынке, с другой стороны. Это, конечно, привело к некой стабилизации курсообразования, но не все же критиковать там Центральный банк. В этой части я бы хотел все-таки его поддержать.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, коллеги. В Центральном банке есть несколько сценариев, как в Минэкономразвития. И последний сценарий связан прежде всего с тем, что это стрессовый сценарий, который предполагает снижение темпов роста вплоть до 4,5 процента. И в этой связи я хотел бы сказать, что сейчас надо задуматься о программе антикризисного управления, и создавать эту программу нужно сейчас, пока мы находимся еще в режиме спокойного определения тех или иных инструментов и введения их в жизнь.

Надо вспомнить 2008 год. Там многое получилось, но многое не получилось, в том числе когда разбрасывались триллионами рублей и их отдавали банкам. Куда эти рубли уходили, мы знаем, но только не на цели поддержки отечественного производителя.

Поэтому если даже приводить в действие такие инструменты, то они должны быть целевыми, ответственными и касаться общего рынка. Они должны быть системными, меры, которые приняли бы все хозяйственные субъекты, которые занимаются инновационными и инвестиционными программами развития. Спасибо большое.

В.И. МАТВИЕНКО

Благодарю Вас.

Я прошу взять слово Александра Дмитриевича Некипелова, директора Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, члена нашего Научно-экспертного совета.

Пожалуйста, Александр Дмитриевич, Вам слово.

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

Спасибо большое, Валентина Ивановна.

Уважаемые коллеги! По-моему, слушания проходят очень своевременно. Ситуация действительно носит переломный характер.

Прежде всего, я хочу сказать, что в создавшихся условиях очень многое делается, и очень много делается полезного, Алексей Валентинович о многих вещах сегодня говорил.

Уделяется серьезное внимание крупным проектам. Но вот здесь, кстати говоря, мне кажется, что в нынешней ситуации неверно подходить к отдельным проектам, финансируемым из Фонда национального благосостояния, с позиций, когда государство выступает как частный инвестор: заранее задали условия, подходит проект, не подходит, в таких-то долях участвуем, не участвуем.

То есть во многих случаях так действовать можно, но есть и такие комплексные проекты, реализация которых поставлена под угрозу не по причине их неэффективности, а по причине отсутствия доступа к внешнему финансированию, которое было, где

компании, которые эти проекты планировали осуществлять, вообще-то говоря, могут от них без особого ущерба для себя отказаться.

А вот последствия через мультипликатор для всей национальной экономики могут оказаться очень серьезными. Поэтому мне кажется, что Министерству экономического развития следовало бы расширить подход к такого рода проблемам.

Мне кажется также, что вопрос о тарифах естественных монополий – это вечный вопрос. Вначале спорили о том, влияют ли они на уровень инфляции. Сейчас все говорят, что да, влияют, сетуют, и все остается, по сути дела, в неизменном виде. А мне кажется, остается потому, что мы делаем две прямо противоположные вещи. Мы, с одной стороны, все время критикуем естественные монополии за то, что они дают в сторону повышения тарифов, а с другой стороны, мы через всякого рода инвестиционные составляющие и так далее перекладываем на них всю сумму инвестиций, решения о которых принимают не они, а решения о которых принимает государство.

Но мы сами себя при этом обманываем, если мы думаем, что можно вложить все что угодно в тариф, и при этом он не увеличится. Конечно, здесь вопрос будет возникать и о том, где государству брать деньги, если оно хочет увеличить капитализацию соответствующей компании, и так далее.

Но поверьте, вопрос не может быть решен так, что вот мы решили, что вы должны то-то и то-то построить, и ищите деньги, где хотите, выходите на внешние рынки (кстати, это тоже очень активно использовалось) и так далее. Поэтому, мне кажется, нужен более честный подход к этому вопросу.

Ситуация, связанная с колебанием цен на нефть и тем влиянием, которое оно на нашу экономику оказывает. Я не буду здесь подробно аргументировать, но мне кажется, вообще-то говоря, это не краткосрочное решение, а долгосрочного плана. Но думаю, что и наша зависимость от соответствующих ресурсов тоже носит долгосрочный характер.

Так вот, мне кажется, надо было бы вернуться к рассмотрению вопроса о том, чтобы сформировать инфраструктуру, которая позволила бы государству формировать резервы нефти в периоды, когда она в избытке, и выбрасывать ее на рынок в противоположной ситуации.

Не очень понятно, почему могут быть государственные резервы по зерну и не могут быть по нефти. Тем более мы знаем, что в мире вот эта нестабильность в ценообразовании на нефть во многих случаях как раз связана с существованием резервов. Во-первых, огромных резервов в Соединенных Штатах Америки, одни только сообщения об изменении которых оказывают влияние на рынок. Плюс ко всему (сейчас мы, кстати, являемся свидетелями этого) в тот момент, когда падает цена на нефть, многие крупные потребители начинают формировать резервы... *(Микрофон отключен.)*

В.И. МАТВИЕНКО

Александр Дмитриевич, сколько Вам нужно времени?

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

Минуту.

В.И. МАТВИЕНКО

Завершайте, пожалуйста.

Продлите время.

А.Д. НЕКИПЕЛОВ

...в том числе при помощи закупки танкеров с нефтью, и хранят просто эту нефть в танкерах. Хотя это тоже, сами понимаете, не очень дешевый способ формирования резервов.

Наконец, мне кажется, что касается этой части, нашей реальной части экономики, конечно, роль науки возрастает очень серьезно, в том числе фундаментальной науки. И, мне кажется, надо было бы вернуться к тому, что сотворили более года тому назад, и честно оценить последствия этого.

И, наконец, самое последнее – по поводу денежно-кредитной политики (здесь уже много обсуждалось). Вы знаете, мне кажется, недооценивается один очень важный факт, который очень серьезно повлиял не только на нас, но в том числе и на динамику посткризисного развития. Это о том, что на деле мы оказались очень серьезно зависимы от денежной политики Соединенных Штатов Америки. Одно дело – политика в 2000-е годы, до кризиса, когда огромное количество долларов в мире, огромное количество капитала, в условиях кризиса отказались от таких вещей, как ипотека и так далее (в той

форме, в которой она осуществлялась до этого, в безумной форме)... но программа количественного смягчения. И вот вы можете заметить, что проблемы и переломы... два года после кризиса идет вроде бы восстановление экономического роста, а потом (и не только у нас, кстати говоря) ситуация меняется. Это так коррелирует с изменением денежной политики Соединенных Штатов Америки.

И ведь изменения не закончены. Помимо всех этих программ закупки ценных бумаг там ведь еще крайне низкая процентная ставка базовая, близкая к нулю. То есть перспективы-то большие, связанные с тем, что будет повышаться процентная ставка в Соединенных Штатах Америки, и будет оказываться очень мощное давление на отток капитала из страны. И в этих условиях балансирование спроса и предложений на рынке при помощи тех методов, к которым прибегает Центральный банк, чревато либо тем, что мы будем вынуждены, по сути дела, постоянно пытаться блокировать отток капитала высоченной процентной ставкой, которая блокирует уход средств из страны, но одновременно блокирует развитие производства, либо Центральному банку придется продолжать активно расходовать валютные резервы.

Поэтому, мне кажется... Вообще-то говоря, когда мы примерно полтора года назад делали доклад в академии наук, у нас очень скромные предложения были в этой области. Они касались введения той или иной разновидности налога Тобина, который бы способствовал некоторому ограничению процесса движения краткосрочного спекулятивного капитала. Я боюсь, что если сегодня мы без учета реальной ситуации будем полагаться на то, что автоматически рыночные силы в этой области всё сбалансируют... они сбалансируют, но таким образом, что условий для развития у нас не возникнет. Поэтому, мне кажется, ограничения по капитальным статьям – это, конечно, мера экстраординарная, но ее не надо отвергать с порога (тем более Алексей Валентинович не говорит о том, что это в принципе невозможно), а надо очень серьезно рассматривать. Спасибо.

В.И. МАТВИЕНКО

Благодарю Вас, Александр Дмитриевич.

Коллеги, буквально несколько зарисовок, что называется, на полях. Сегодня нет дефицита понимания ситуации, анализа ситуации – дефицит воли органов исполнительной власти и умения оперативно принимать решения, реагируя на ситуацию.

Посмотрите планы – 2017 год, 2018 год и так далее. Коллеги, я говорю это не теоретически, я была вице-премьером в 1998 году после дефолта, когда мы ежедневно в форс-мажорных обстоятельствах принимали решения. Вот это та ситуация, когда нужно очень оперативно многие вещи делать. К сожалению, решения не принимаются, они затягиваются в обсуждениях, в согласованиях. Но мы не в тех условиях живем, чтобы позволить себе на год, на два растягивать принятие тех или иных решений, внесение тех или иных законов. Поэтому, мне кажется, это ключевая позиция, которую Правительство должно сейчас понять, – оперативное принятие решений по конкретным вопросам.

Вот Владимир Владимирович сказал, например, с 2010 года в 2,5 раза выросли цены на дизтопливо. Мы одной рукой (государство) даем сельскому хозяйству субсидии, дотации, другой рукой нефтяники вынимают это из сельского хозяйства. Давайте разберемся, какие основания, чтобы за это время в 2,5 раза (если это соответствует действительности, я думаю, это так) выросли цены на дизтопливо. Кто-то этим процессом управляет? Кто-то за это отвечает? И вообще, по-моему, пора перейти к персональной ответственности руководителей разного уровня за результаты работы.

Один пример приведу. В свое время очень своевременно, остро подняли тему создания программы по импортозамещению... развития фармацевтической отрасли с заменой лекарств. Пошумели, помахали программами... Давайте посмотрим, давайте спросим конкретно заместителя Министра промышленности и торговли, который за это отвечает: а что за пять лет существования программы сделано? В лучшем случае так называемые фармкластеры, когда мы привлекли инвесторов, которые построили заводы и занимаются расфасовкой и упаковкой, может быть, частичным производством. Где отечественные субстанции?

Вот сегодня запретят, под санкции подпадут лекарства, что мы будем делать? Где отечественные субстанции? Все лекарства, которые производятся в России, – на импортном сырье, на импортных субстанциях. Что сделано Министерством

промышленности и торговли за эти годы, как реализована эта программа, и кто, в конце концов, спросит с вас за результаты работы? По-прежнему колоссальная импортозависимость от лекарств. При этом некоторые позволяют себе высказывания: так мы завтра откажемся от импортных лекарств. Ну, во-первых, надо думать, прежде чем говорить.

Говоря о конкретных проектах, ну, Минсельхоз, например... Белгородский губернатор дал конкретное предложение: надо 2 млн. тонн свинины произвести, увеличить производство свинины, условно говорю, на 2 млн. тонн за два года. Ну что проще?! Технологии есть, бизнес, желающий вкладываться, есть. Сделайте проект, четко пропишите, что надо сделать, чтобы через два года получить конкретно плюс 2 млн. тонн свинины. Обозначьте, в чем государство поддержит, условия. Бизнес придет, обозначьте регионы, губернаторы подключатся, через два года получим плюс 2 млн. тонн свинины.

Почему не делается вот так, в ручном режиме, поскольку мы в таких условиях, каждым министерством, каждым ответственным человеком?! Планы, разговоры, фантазии...

И еще один пример – по ипотеке. Вот я считаю, что одним из основных драйверов роста экономики является строительство. (Это не я так считаю, об этом все говорят.) Одно место в строительстве сколько генерирует, какой кумулятивный эффект и сколько рабочих мест.

Ипотека. Вот мы направили вопрос по ипотечному кредитованию в Минэкономразвития. Получили абсолютно формальный, бессмысленный ответ. Ну, давайте я пофантазирую. Государство выделяет ВЭБу определенную сумму денег, ВЭБ дает банкам, не только госбанку, а всем, входящим в первую сотню, под 5 процентов под гарантии, что банки будут выдавать под 6,5 процента. При этом все квартиры... создается залоговая масса, условно передается эта залоговая масса в ВЭБ. Но вот вы представьте, под 6,5 процента кредиты, какой начнется бум, реальный бум строительства жилья в стране, насколько мы увеличим темпы роста экономики и решим важнейшую социальную задачу, и привлечем инвестиции.

Ну, почему не принять вот такие неординарные, нестандартные решения, а не отписываться, что у банков финансовые ресурсы не бесплатные, сейчас они становятся дороже... Да понятно, не надо читать никому лекции.

Вот давайте сосредоточим финансовые ресурсы на эффективных направлениях, дадим ВЭБу – это наш государственный институт финансовый, с банками подпишут соглашения, они дают населению под 6,5 процента.

Да, это своего рода субсидия государственная, но зато мы получим огромный кумулятивный эффект. И вот таких драйверов роста надо поискать точно, руками и запустить их. Запустить, чтобы не лить крокодиловы слёзы о стагнации и снижении темпов экономического роста. Может быть, примитивные примеры, но можно их развивать. Но хочется конкретики, хочется результатов. Вот пока мы этого не видим.

Мы... вот государство, я считаю, в свое время очень правильно поступило, когда вливало большие средства в сельское хозяйство. Сегодня это дает отдачу. На фоне спада промышленного производства средний рост в стране... 4,5 процента рост производства сельского хозяйства. Мало того, что мы сами в большей степени себя кормим, но мы и даем рост. Значит, была правильная политика проведена. Но в остальном такой же должен быть подход.

Все те предложения, которые сегодня звучали и еще прозвучат, безусловно, найдут отражение в нашем итоговом решении. Алексей Валентинович, дорогие министры, мы возьмем это под жесткий контроль, исполнение тех рекомендаций, которые вы дали. Иначе нет смысла собираться, обсуждать, говорить умные речи, если потом это снова зависает или провисает на два, три, пять лет. Ну, давайте сейчас объединять усилия и действовать очень энергично. Сегодняшние реалии этого требуют.

Я прошу прощения, Евгений Викторович продолжит, у меня в 13 часов серьезная встреча, на которую я не могу не пойти. Благодарю вас еще раз.

Е.В. БУШМИН

Спасибо большое.

А сейчас президент Торгово-промышленной палаты Катюрин Сергей Николаевич.

Пожалуйста, Сергей Николаевич.

С.Н. КАТЫРИН

Уважаемые коллеги, ну, всё бизнес-сообщество, вообще-то, беспокоит состояние делового климата. У нас такие парадоксальные ситуации происходят: мы одной рукой пишем деловые карты, эти "дорожные карты", титанические усилия прилагаем, чтобы их исполнить, продвигаемся на этом пути, а другой рукой мы вбрасываем законопроект, никем не обсужденный, ни с кем вообще в бизнес-сообществе не согласованный, по 22 видам сборов, которые вообще взорвали всё бизнес-сообщество.

Причем я хочу сказать, и Москва, и Санкт-Петербург не так сильно, вообще, озаботились этой проблемой (я имею в виду бизнес) по сравнению с тем, сколько к нам поступило обращений из других регионов Российской Федерации. Мы им говорим: "Товарищи, а что вы-то беспокоитесь? Это касается федеральных городов, вас-то это пока не касается". Они говорят: "Пока" – это главное слово, потому что мы теперь уже не верим, что на нас это завтра не распространится. Точно так же тайно внесут законопроект, который распространит действие этих сборов на все города".

Мне кажется, вторая стратегическая задача, которая стоит перед законодателями... У нас Минэкономразвития – за мораторий, у нас Президент провозгласил, что он за мораторий по изменению налогового законодательства и администрирования, но тем не менее появляются такие вбросы.

Поменяли законопроект, сейчас другой внесен, по торговле, уже принятые там четыре вида... и так далее, но это недоверие, которое каждым таким вбросом вызывается, оно не только к оттоку капитала, у нас и до этого наблюдался переток малого бизнеса в пограничных районах с Казахстаном туда, под их юрисдикцию. Сегодня мы еще подтолкнули этот процесс, потому что в Казахстане все основные налоги меньше (и НДС, и налог на прибыль, и налог на доходы физических лиц). И мне кажется, чем здесь надо заняться – так это тем, чтобы этот мораторий все-таки соблюдать.

Второе. По госзаказу хотел бы сказать. Мы поддерживаем усилия, которые Минэкономразвития предпринимает для того, чтобы реализовать госзаказ, он действительно огромный, 16 триллионов, если брать компании с госучастием.

На что бы я хотел обратить внимание, о чем попросить? Первое – кровь из носа, но чтобы в нынешней ситуации добиться того, чтобы 20 процентов этого госзаказа оказалось в малом бизнесе, и от компаний с госучастием, и от госзаказа самого. Я думаю, что это принципиально важный момент, особенно в данных условиях, и для малого бизнеса это, конечно, серьезно – 3 трлн. рублей, очень серьезная поддержка.

И вторая часть, на которую я бы хотел обратить внимание. Мы работаем с сертификатами происхождения товара и видим, что у нас разные условия доступа к госзаказу, разные методики оценки, где производится тот или иной продукт, и разные даже документы, которые мы выдаем по заключению, где продукт произведен.

Мне кажется... и сегодня мы в едином таможенном пространстве уже с этим сталкиваемся, но с 1 января мы будем работать вообще в экономическом союзе, и если мы не договоримся на берегу, каким образом мы будем обходиться с госзаказом, а у нас он самый привлекательный из всех стран, которые туда входят, то мы можем получить, что на этот госзаказ будут претендовать и те, кто продукцию совсем не свою к нам привезет, если мы действительно не решим, каким образом действовать.

Еще один вопрос, который я бы хотел поднять. Мы все время говорим о фискальной части налогов. Я думаю, что можно было бы в этих условиях подумать и о стимулирующей части налогов. И подумать о том... в первую очередь, направить, может быть, если такое созреет решение, на стимулирование наукоемкого оборудования, наноматериалов, ну, наверное, какие-то другие можно принципиальные направления подобрать.

И последнее, о чем я бы хотел сказать. В рекомендациях упоминается закон о территориях опережающего развития и закон о ГЧП. Я бы предложил добавить еще закон о промышленной политике. Это принципиально важные вещи, и было бы неплохо, если бы они были отражены в наших рекомендациях.

Спасибо.

Е.В. БУШМИН

Спасибо, Сергей Николаевич. Мы обязательно сделаем дополнение по закону о промышленной политике.

А сейчас сопредседатель Общероссийской общественной организации "Деловая Россия" Антон Викторович Данилов-Данильян.

Пожалуйста, Антон Викторович.

А.В. ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН

Добрый день, уважаемые коллеги! Чтобы не повторять то, что уже говорили выступавшие до меня, хочу обратить внимание на следующее. Тот сценарий и те действия, о которых говорил академик Глазьев, наверное, многих испугали, в том числе из экономического крыла Правительства. Но, с другой стороны, если мы двигаемся в сторону повышения доверия между властью и бизнесом, то кризисы преодолеваются и без столь жестких мер. Но доверие – это очень серьезный процесс. Раз потеряв, его очень сложно восстановить.

В частности, по импортозамещению здесь могут быть ровно те же самые эффекты. Прозвучала цифра 3 трлн. рублей – потенциал импортозамещения. Но наши оценки более скромные. Мы думаем, что если мы в ближайшие три-четыре года где-то на один триллион выйдем, это уже будет достижение. Тем не менее даже этот один триллион распределяется крайне неравномерно в российской экономике. Есть смысл идти в некоторые отрасли в плане импортозамещения, а где-то мы можем только потерять средства, время и зря потратить усилия, как государства, так и бизнеса.

Первое. Имеет смысл идти в первую очередь туда, где не требуется закупать импортное оборудование для модернизации и реализации соответствующего проекта, потому что сейчас импортное оборудование не только ограничено по многим санкционным вопросам, но и чрезвычайно дорого.

Второе. Имеет смысл идти туда, где есть рынок. Потому что есть малые товары, в малых количествах завозимые на территорию Российской Федерации. Если иностранному производителю это выгодно, потому что для него весь мир открыт, он производит и торгует не только в России, то импортозамещение малого количества в Российской Федерации может быть совершенно экономически невыгодно.

Также надо смотреть на вопросы, связанные с инфраструктурой, переобучением кадров, подключениями и так далее. Есть прекрасные импортозамещающие проекты, но

требующие очень тяжелой дополнительной работы по созданию такой инфраструктуры и по изменению навыков тех людей, которые будут эксплуатировать соответствующее оборудование. Это не пустые слова. Огромное количество проектов умерло, не родившись, упершись именно в эти барьеры.

И последнее. Там, где государство готово давать гарантии хотя бы на подведение этой инфраструктуры, тогда действительно импортозамещение может сработать. (Следующий слайд, если можно.)

В принципе импортозамещение у нас очень активно идет. И есть направления, которые просто стихийным образом развиваются. Здесь уже упоминалась свинина, упоминалось мясо птицы. Огромное количество в химии есть, в медицине есть, те же самые таблетки и медоборудование, на самом деле ставятся заводы, это все происходит. (По всей видимости, презентации нет. Ну, не страшно.)

С другой стороны, есть ручное управление. И если уж здесь говорилось о том, что надо системно работать... здесь опыт Минпромторга очень даже неплох. По многим видам продукции АПК это уже реализовано. По крайней мере все намечено и даже деньги расписаны, как частные, так и государственные. Но в системной работе, которая бы запускала механизм импортозамещения за счет внебюджетного ресурса, у нас, к сожалению, маленький опыт.

Где-то сделан отдельными бизнес-сообществами, где-то его практически нет.

Мы выделили примерно десять проблем, которые мешают импортозамещению, с точки зрения вот такого системного подхода. (Это следующий, еще один слайд.)

Я не буду сейчас на них останавливаться, скажу только самое важное. Зачастую мы просто не знаем экономики, в которой нам приходится работать, и где мы импортозамещаем. Мы не знаем, кто чего производит, потому что коды ОКВЭД не дают возможности точно понимать, что, собственно, происходит на предприятии, какие технологические линии там работают, что в принципе оно может производить, чего не может производить и так далее.

Нам нужно провести огромную работу, связанную с формированием базы поставщиков, базы заказов, в том числе для государственного заказа и заказов

естественных монополий, госсектора. Всё это – конь не валялся. Это очень большая работа, и она должна быть проведена не только в рамках Минпромторга, где такая работа уже начата, но и во всех остальных ведомствах. И, конечно, Министерству экономического развития здесь надо поработать очень серьезно.

Ну а в тех случаях, когда импортозамещение происходит за счет средств и активности частного бизнеса, конечно, надо решить целый ряд вопросов, связанных с теми барьерами, которые мешают развитию.

Мы выделили примерно пять задач, которые действительно мешают. Я не буду на всех останавливаться, в том числе на контрольно-надзорной деятельности, на деятельности, связанной с институтами развития.

Но что самое важное для бизнеса? Когда вы реализуете инвестиционный проект, вы должны иметь гарантию неухудшения режимов регулирования. Если такой гарантии нет, если бизнес-проекты летят оттого, что вводятся новые налоги, резко повышаются ставки тарифов и так далее, то вряд ли что-то получится.

Поэтому пятилетнее замораживание налоговой системы, ставок, сборов, налогов, пятилетнее замораживание тарифов, пятилетнее замораживание зарплат в секторе естественных монополий и государственном секторе – это очевидная необходимость.

И второй момент – резкое увеличение деятельности...

Полминуты буквально.

Е.В. БУШМИН

Да, еще минуточку.

Продлите, пожалуйста.

С.Н. КАТЫРИН

Резкое увеличение деятельности тех институтов развития, о которых здесь частично говорилось. Великолепно стартовало Агентство кредитных гарантий. Великолепно! За три месяца выдано уже около сотни..., создана огромная нормативная база внутренних документов для работы.

Ровно так же должен работать и любой другой институт: и ВЭБ, и МСП Банк, и ЭКСАР и многие другие. К сожалению, мы просто чувствуем на своей шкуре, что их активности пока недостаточно. Нужно их капитализировать дополнительно.

50 млрд. рублей для Агентства кредитных гарантий, 350 млрд. рублей самих гарантий под этот капитал – это капля в море, исходя опять же из того, о чем говорили академик Глазьев и многие другие выступавшие.

Надо уже обобщать опыт их работы, вскрывать те недостатки, которые есть, и докапитализировать, для того чтобы они действительно стали настоящими институтами развития. Спасибо.

Е.В. БУШМИН

Спасибо большое.

У нас очень большое количество выступающих, но настало время перейти к вопросам и ответам.

Алексей Валентинович, может быть, предварительно Вы несколько слов скажете о Вашей реакции на выступления, а потом мы зададим вопросы?

В зале два микрофона, внизу, и девочки там есть с микрофоном, они могут подойти к Вам, если будет необходимо.

Пожалуйста, Алексей Валентинович.

А.В. УЛЮКАЕВ

Спасибо. Мне было очень интересно. С большим количеством предложений и критики я согласен. Могу только кое-что прокомментировать, остальное, может быть, в рабочем порядке.

Первое – по поводу увязки капитализации банков, в том числе банков с государственным участием, с выдвиганием перед ними определенных требований. Вот именно это и предполагается сделать сейчас, по нашим предложениям, в области капитализации за счет средств Фонда национального благосостояния, имеется в виду такое сквозное финансирование. То есть даем мы, например, ВТБ 200 млрд. рублей в капитал второго уровня через десятилетние суборды и говорим ему: "Ты, ВТБ, без всякой маржи профинансируешь два-три проекта, которые были отобраны в рамках Фонда

национального благосостояния, или приобретешь облигационный заем компании, который предполагалось прежде профинансировать, например, за счет средств накопительной пенсионной системы".

Это конкретное обязательство и конкретное отсутствие получения маржи. Это первое.

Второе. Я полностью поддерживаю здесь предложения, которые звучали в части обеспечения неухудшения условий для инвесторов при реализации инвестиционных проектов. Это касается, безусловно, и предлагаемого нами (и, как я понимаю, это предложение, его идеология разделяется Президентом Российской Федерации) введения моратория на изменение налоговых условий. Но, кроме того, это, конечно, и ряд других вещей, связанных и с тарифом, и в целом с движением денежных средств. И в этой связи, я думаю, и закон о ГЧП, и концессионное законодательство, которое предполагает ответственность, в том числе ответственность бюджетной системы, в случае принятия регулятивных решений, которые ухудшают реализацию инвестиционных проектов, – это необходимая для нас вещь.

По поводу проектного финансирования.

Виктор Викторович, хорошая нормативная база, не надо ее улучшать и менять. У комиссии не будет никаких полномочий, кроме одного – сверить, вот галочки поставить: такие-то документы есть, таких-то нет. Три дня на всё это дело дается, и комиссия говорит: "А вот теперь вы давайте гарантию". И эта комиссия придумана только для того, чтобы эта гарантия в Минфине не ходила кругами месяцами и годами. Вот единственная задача, больше этих полномочий у нее не будет.

Полностью согласен с тем, что необходимо дальше развивать институт оценки регулирующего воздействия, распространять его на законы второго чтения, в том числе и те, которые инициированы не Правительством Российской Федерации, а депутатским корпусом, иными субъектами права законодательной инициативы, с необходимостью введения временных параметров, когда вводятся в действие те или иные изменения. Мы говорим о том, что, например, два раза в год можно вводить такие сроки, чтобы бизнес успел приспособиться к этому, подготовить себя к этим изменениям.

Что касается денежно-кредитной политики, я не буду влезать в компетенцию Банка России, скажу лишь одно. Вот то, о чем здесь говорили коллеги, о том, чтобы наша денежная база меньше зависела от внешних условий, то есть чистые международные резервы, а двигалась больше к внутренним условиям, то есть чистые внутренние активы, это на практике и происходит. Расширение баланса Центрального банка при изменении его валютной позиции означает уменьшение доли ЧМР и увеличение доли ЧВА. И я скажу так, что те действия, которые были предприняты в последнее время, они дают очень неплохой результат. Кризисные ситуации могут и должны решаться не за счет полного пересмотра, как говорил Ленин, точки зрения нашей на социализм, а за счет качественного использования того инструментария, который есть. Вот когда решили три вещи одновременно (только должно быть комплексное решение) – изменение ставки, которая делает мотивирующее воздействие; открытая позиция по валютной РЕПО, которая говорит: "Сколько хотите валюты в пределах 50 миллиардов (там лимит) можете получить, не надо напрягать внутренний валютный рынок"; и третье – отмена границ валютного коридора, который неправильно ориентирует валютных спекулянтов, создав у них иллюзию гарантированного дохода, все это привело к очень неплохим результатам. Но особенно сейчас фьючерсы на завтра по доллару – 44,8...

Е.В. БУШМИН

Ниже 45.

А.В. УЛЮКАЕВ

Да, уже 44,8, по евро – 55,4. На 7–8 процентов откатали назад. Я вам скажу: это еще пока не предел, до равновесной точки мы еще не дошли. Спасибо.

Е.В. БУШМИН

Спасибо большое.

Первый вопрос.

Виктор Александрович, пожалуйста.

В.А. ПИЧУГОВ

У меня не один вопрос, я готовил выступление, но по какой-то причине в этом выступлении мне отказали.

Я хотел Вам, Алексей Валентинович, задать вопрос следующего плана. В курсе ли Вы того, что на сегодняшний день наши банки вместо возврата кредитов получают десятки, а то и сотни предприятий на свой баланс? Они в принципе не знают, на мой взгляд, что с этим делать, со всем хозяйством, и им необходимо время, как минимум два года, для того чтобы те проблемы, которые у них возникают с достаточностью капитала, с другими нормативами, каким-то образом были изменены. Как Вы считаете, какие еще возможны инструменты у Центрального банка для того, чтобы поддержать всю банковскую систему? Это первый вопрос. Но у меня еще два.

Прошу предоставить мне такую возможность.

Е.В. БУШМИН

Пожалуйста, Алексей Валентинович.

А.В. УЛЮКАЕВ

Первое. Увеличение балансов банков и попадание на них непрофильных активов – это не новость последнего времени. Начиная с 2008 года такие объемы большие накоплены. Банки создают специальные подразделения, которые работают с капиталом, – ВТБ Капитал, ООО "ВЭБ-Инвест" и "ВЭБ Капитал", "Сберинвест", – которые занимаются работой с этими промышленными активами, одни более успешно, другие менее успешно, и из этих промышленных активов впоследствии довольно неплохо развились.

Что касается норматива достаточности капитала, вот это реальная проблема, потому что сейчас наша банковская система балансирует на грани.

Грань у нас – 11 процентов для участников системы страхования вкладов. Средняя по экономике – 12 процентов с небольшим. Причем, что интересно, для госбанков сейчас даже меньше уровень достаточности (норматив Н1), чем для частных банков. Поэтому те механизмы, о которых мы говорим, – некоторые изменения дивидендной политики, которые позволяют направить большую прибыль на дополнительную капитализацию, использование части дополнительной прибыли Банка России, который получает ее за счет того, что увеличиваются обязательства коммерческих банков перед ним, а ставка растет (это дополнительная неучтенная прибыль, которая должна быть направлена, с нашей точки зрения, на дополнительную капитализацию),

наконец, использование средств Фонда национального благосостояния для этих целей при той обусловленности, о которой мы уже говорили, – здесь необходимы.

Есть ли еще инструментарий у Банка России? Конечно, есть. Он довольно большой. Это изменение условий предоставления ликвидности в рамках операций рефинансирования. Здесь не все еще сделано с точки зрения корректировки дисконтов и поправочных коэффициентов, расширения спектра активов, которые могут приниматься в обеспечение, увеличения требований по лимитам для банков в долях от их капитала, изменения сроков предоставления ликвидности и так далее. Здесь довольно большой массив работы. Но коллеги здесь, мне кажется, довольно плотно этим занимаются.

Е.В. БУШМИН

Спасибо, Алексей Валентинович.

Только вопросы все не в банковской сфере. Все-таки ближе к теме давайте.

Пожалуйста, еще вопрос.

В.А. ПИЧУГОВ

Мы такой серьезный период проходим, а вопросы приватизации почему-то стали замалчивать. На мой взгляд, это самое время, когда необходимо более активно проводить приватизацию. И не будет больше такого периода, когда самое что ни на есть лучшее время для приватизации. Время должно быть именно таким для приватизации, когда это делать просто необходимо. Как Вы считаете?

А.В. УЛЮКАЕВ

Вот ровно так и считаю. Полностью с Вами согласен. Причем, вы знаете, может быть, это незаметно, но работа ведется довольно активно. Если мы сосредоточимся не на самой большой приватизации (десять крупнейших у всех на слуху: "Аэрофлот", "Роснефть" и другие)... Здесь просто проблема рынка: мы хотели бы получить справедливую цену за эти активы. Но если мы говорим о том объеме ФГУП, казенного имущества, акционерных обществ с участием государственного капитала, который сейчас реализуется, это очень большая работа. Примерно 150–200 приватизационных проектов в год. По деньгам, может быть, это не очень много, но мы довольно здорово защищаем эту площадку и создаем нормальные конкурентные условия.

Я считаю, что на падающем рынке приватизацию проводить можно, и мы здесь должны более активно работать.

В.А. ПИЧУГОВ

И последнее.

Алексей Валентинович, все проблемы, на мой взгляд, у нас из-за того, что кадровая политика оставляет желать лучшего. Нужно и необходимо проведение кадровой реформы. Кадровая реформа на сегодняшний день, на мой взгляд... Вашим министерством должна быть сформирована политика, концепция, как угодно назовите. Но если мы в ближайшие год-два этого не сделаем, с теми заместителями министров, зачастую даже и министрами, с которыми мы общаемся... некоторое недоумение даже возникает по поводу знания предмета, которым они управляют. Понимаете? Никогда в жизни за все годы управления я не встречал подобных дилетантов, которые иногда у нас встречаются.

Приведу вам простой пример. Лицензия на право недропользования выдается на пять лет. Руководитель агентства по недропользованию заявляет: "Я не считаю, что два года только на получение разрешительной документации – это много по времени". Что можно сказать по этому поводу? И это сплошь и рядом.

И вещи, связанные с падением спутников, самолетов, – это звенья одной цепи. У нас сейчас принцип назначения "свой – чужой", ушел главный принцип управления: "профессионал – непрофессионал".

Я считаю, что ваше министерство, особенно в этот период, должно сформировать концепцию кадровой реформы и донести до руководства страны информацию о тех проблемах, которые мы имеем. Всем известно, что письмо запорожских казаков было, но желающих его нести не было.

Поэтому у меня к Вам просьба быть профессионально ответственным. Успехов Вам. Спасибо.

А.В. УЛЮКАЕВ

Спасибо большое.

Я так понимаю, это не вопрос, а пожелание. Будем в этом направлении работать.

Спасибо.

Е.В. БУШМИН

Спасибо.

Пожалуйста, Сергей Владимирович.

С.В. ШАТИРОВ

Уважаемые коллеги, я хотел бы вернуться к реальному сектору экономики. К сожалению, не услышал того, что хотел услышать. Прежде всего, я не услышал о том, что мы собираемся бороться за конкурентоспособность. Это главный показатель экономического развития и экономического благополучия.

Что такое конкурентоспособность? Это простые понятия. Приемлемая цена при соответствующем качестве. Вернемся к цене. Как вы считаете инфляцию, совершенно непонятно. Если мы с вами получаем рост в монопольном секторе, а любой товар, услуга – это у нас с вами тепло, электричество, тонно-километры, перемещаемые тем или иным способом, ну, еще ряд показателей и, безусловно, денежные активы. Безусловно, те финансовые ресурсы, которые могут применяться в экономике. Если мы с вами складываем пропорционально всё это хозяйство в себестоимости любого нашего с вами производства, то мы никак не получим ту инфляцию, о которой вы говорите, и мы ее считаем. Это совершенно другие показатели. Другое дело, что по спирали они возвращаются через полтора-два года.

Так вот, нужны конкретные механизмы. Последний выступающий очень правильно сказал: нужен определенный мораторий, подходы. Сегодня я хочу сказать о том, что в ценовой зоне Западной Сибири и Сибири в целом рост СВР в стоимости электроэнергии завтрашнего дня вырос на 45 процентов. Мощность прогнозируется практически в два раза (стоимость).

Так вот, у вас должна быть, на мой взгляд, некая мнемосхема, где есть реперные точки, и должен зажигаться красный огонек в вашей "диспетчерской", и должны приниматься совершенно конкретные механизмы по урегулированию этих вопросов. Спасибо.

А.В. УЛЮКАЕВ

Спасибо.

Мне кажется, именно о конкурентоспособности мы и говорили, потому что конкурентоспособность на самом деле определяется прежде всего издержками, из которых формируется цена, а также возможностью государства просубсидировать в том случае, если эти издержки высоки, а долю рынка занимать надо. Поэтому всё, что мы говорим и по поводу цены кредита, и по поводу регулятивного давления, и по поводу налогов, сборов, отдельных платежей и, конечно же, по поводу тарифов естественных монополий, на что Вы сейчас обратили внимание, чрезвычайно важно.

Уверю Вас, что по инфляции получается ровно то, о чем мы говорим. Просто мы эту инфляцию... по индексу потребительских цен. Вы, наверно, больше сейчас говорили про индекс промышленного производства, там немножко другие будут оценки. Но всё равно там как бы... Здесь сидит руководитель нашего ведомства, который этим занимается, я Вас уверю, у них очень правильная методология, и они очень правильно считают.

Другое дело, что, конечно же, инструменты, которые мы используем, мы попытались в прошлом году пойти довольно в таком грубом, что ли, режиме, мы же сделали временную заморозку тарифов по грузотправлению, по РЖД, по газу, по электрическим сетям и рассчитывали, что некий такой шоковый будет импульс, а потом мы перейдем к нормальному долгосрочному, пятилетнему, тарифообразованию, для которого есть нормативная база не выше индекса потребительских цен. Но, к сожалению, мы не выстояли перед давлением уважаемых наших компаний, которые, апеллируя к своему финансовому положению и к необходимости выполнять инвестиционные программы, что само по себе, безусловно, правильно, ну, добились некоторых поблажек здесь.

Я думаю, что это наша, конечно, недоработка. Мы дали слабинку здесь в этом направлении. Рассчитываем с вашей помощью все-таки на рациональную траекторию работы с тарифами вернуться. Спасибо.

Е.В. БУШМИН

Спасибо большое.

Вот там микрофон, с места, пожалуйста.

Н.А. САВЕЛЬЕВ

Амурская область, Савельев Николай Анатольевич.

Хотел задать два вопроса. Первый касается моногородов. Создали фонд развития моногородов (создан 10 дней назад), выделили денежные средства – 35 млрд. рублей, при этом критерии отбора городов для финансирования непонятны.

Причем только фонд начал работать, уже пять городов для финансирования в текущем году отобрали. У нас входят четыре города, четыре моногорода от Амурской области, два стоят в первой группе, как со слабым социально-экономическим развитием. Мы в этот список попасть не можем. Да, там есть ответы на эти вопросы, но там не сказано о методике отбора. Понимаете, да? То есть как пять городов попали, мы попасть туда не можем. Положение у всех аховое, что у них, что у нас. Где эта методика? Когда она будет определена? И как в этот список вообще попадают? Это первый вопрос. Я хотел, чтобы Вы взяли это на контроль, а то как-то там... непонятное что-то такое.

И второе. Указом Президента № 600 от 2012 года определено, что ставка по ипотечному кредитованию у нас будет к 2018 году инфляция плюс 2,2 процента. Прошло три года – осталось три.

Шесть лет, как я понимаю, давалось для того, чтобы... ну, был плавный переходный период, какие-то мероприятия начинали работать.

Мы этот механизм вводим в 2018 году или как-то постепенно к этому подойдем? Нас этот вопрос беспокоит, у нас очень высокая стоимость 1 кв. метра на Дальнем Востоке, в Амурской области. Мы ждем, когда этот механизм заработает. По ипотечному кредитованию, скажем так, почти вполтину меньше, чем у нас на сегодняшний день есть.

Спасибо.

Е.В. БУШМИН

Спасибо.

Алексей Валентинович, у нас есть хорошая практика. Мы методики, связанные с любыми региональными проблемами, с финансированием, пропускаем через

трехстороннюю комиссию по вопросам межбюджетных отношений, которая состоит из представителей Госдумы, Совета Федерации и Правительства. Может быть, все эти методики стоит отдать на рассмотрение трехсторонней комиссии? Тогда депутаты Госдумы и члены Совета Федерации будут проинформированы о самой методике, как она есть.

А.В. УЛЮКАЕВ

Мы не против. Наши методики открыты к обсуждению. Мы готовы специально встречаться. Просто непосредственно эта методика по моногородам не относится к сфере межбюджетных отношений. Но мы готовы, давайте обсудим на самом деле, если возникают неясности. Пять моногородов не сейчас отобраны, они были отобраны к началу этого года. У нас есть критерии, по которым мы отбираем в целом список моногородов, исходя из набора показателей, которым в принципе будет оказываться поддержка. Такой список есть в соответствии с этими критериями. Мы можем с вами посмотреть, есть там ваши города или нет.

А дальше, второе – это степень готовности, а именно готовности субъекта Федерации, готовности частного инвестора, потому что это ведь инвестиции в инфраструктуру. Сам по себе инвестиционный проект тоже должен состояться.

И что касается того, чтобы соединить наши инфраструктурные возможности и инвестпроект, давайте по вашим четырем проектам отдельно посмотрим. 3 миллиарда уже в этом году отфинансировано. Фонд начинает работать в этом году. Оставшиеся – в последующие три года.

Что касается ипотеки, то, конечно же, это не скачкообразно, 2018 год, мы должны к этому двигаться, но, вы видите, на фоне того инфляционного всплеска, который есть сейчас, инфляция плюс 2,2, к сожалению, будет двухзначная цифра у нас. И здесь, конечно, необходимо решить принципиальные финансовые проблемы, для того чтобы эта конечная цифра была более комфортной.

Е.В. БУШМИН

Спасибо большое.

Что, будем завершать или кто-то еще настаивает?..

Тарло настаивает.

Да, пожалуйста.

Е.Г. ТАРЛО

Тарло Евгений Георгиевич, член Совета Федерации. У меня такой вопрос. Вот ничего не прозвучало в условиях санкций, в условиях сложного бюджета про экономию государственных средств. И мы всё только говорим: в условиях рынка, рынка. А вот эти сумасшедшие "парашюты" в сотни миллионов рублей, которые получают некоторые люди, зарплаты какие-то сумасшедшие у работников госкорпораций... И всё это на фоне того, что малый и средний бизнес не могут концы с концами свести.

Мы с Титовым Константином Алексеевичем запрашивали Минфин и Пенсионный фонд о результатах того, как сказалось это увеличение взносов. Но никакого увеличения взносов, замена ЕСН взносами в фонды... Фактически это увеличение налоговой нагрузки. Фактически.

Что получилось? Никакой аналитической работы, сколько именно получилось дополнительно получить денег, там нет. Есть общий валовый. Причем этот общий валовый получен от нагрузки на государственные предприятия и на всех остальных.

Но есть интересная цифра. Количество плательщиков за два года сократилось: по индивидуальным плательщикам – на 900 тысяч, а по предприятиям – на 300 тысяч. Вот это эффект одной меры налоговой. И мы ее оставили опять. Мы об этом не говорим, но это гигантская цифра. И сколько мы недополучили налогов! Это первое.

Второе. Вот Вы возглавляете министерство, интересное очень, и у вас в подчинении есть Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии. Вы знаете, это боль не только бизнеса, боль всех госпредприятий, вообще, всех, по-моему, в стране. Вот чтобы получить бумажку от федеральной регистрационной службы, нужно пройти муки ада. И обе эти службы в вашем подразделении.

Существуют конкурирующие между собой государственные документы: один документ – это кадастр, другой документ – свидетельство о праве собственности. У нас и закон о государственной регистрации... фактически не регистрация существующего, возникшего права в результате строительства, создания нового объекта собственности

либо в результате гражданско-правовой сделки, а в результате надления государственным регистратором правом этого лица. Это не регистрация, это контроль, надзор, что угодно другое.

У меня есть письмо директора Института ядерной физики, который получил отказ в регистрации его имущества, не его имущества, государственного предприятия, созданного решением Правительства на основании международного соглашения, потому что он не доказал наличие у него имущества на земле.

Я вам его перешлю с пояснениями. Я думаю, что это просто вымогательство чего-то, видимо, участки на берегу Волги какие-то существуют. При этом кадастр существует, и учет федерального имущества существует, и решение Правительства существует, а регистратору он не доказал.

Я думаю, если мы объединим эти службы и вместо трех конкурирующих документов (это гражданско-правовая сделка, кадастр и свидетельство о праве собственности, которое каждый раз новое выдается) будет один документ от вашего министерства, будет лучше, и перейдем к настоящей регистрации. А закон-то мы быстро сможем поправить, если будет политическая воля.

Е.В. БУШМИН

Понятно.

А.В. УЛЮКАЕВ

Спасибо.

Первое, по поводу государственных расходов. Создана комиссия по эффективности государственных расходов. Мы пропускаем через нее государственные программы (наверное, уже пять программ прошло) и добиваемся того, чтобы по каждой позиции максимально обеспечивали сохранность и эффективное использование государственных средств.

То, что Вы говорите по поводу "парашютов золотых", такие положения, насколько я понимаю, уже в законодательство приняты (здесь по ограничению), нужно просто следить за тем, чтобы оно строго соблюдалось.

Согласен с тем, что не всегда продуманные действия по изменению ставок для страховых платежей (в частности, которые были в прошлом году предприняты в области малого и среднего предпринимательства) приводят к контрпродуктивным результатам. Мы, таким образом, потеряли какое-то количество бизнеса, который то ли вообще перестал работать, то ли ушел в тень и перестал соответствующим образом пополнять бюджеты разных степеней. Здесь, конечно же, мы должны вести более активную работу.

Что касается регистрации и кадастра, здесь нет двух служб. У нас единая служба – Росреестр, которая занимается и кадастровой деятельностью, и регистрацией. Другое дело, что до сих пор у нас существуют отдельно кадастр недвижимости и реестр прав собственности. Сейчас мы работаем с этой верификацией, гармонизацией двух информационных массивов с тем, чтобы здесь не было никаких зазоров. Я думаю, что эту работу мы в скором времени завершим. Спасибо.

Е.В. БУШМИН

Спасибо большое.

Евгений Георгиевич, это проблемы на самом деле не только кадастра, верификация будет где-нибудь к концу столетия обязательно, это мы Вам...

Е.Г. ТАРЛО

(Не слышно. Говорит не в микрофон.)

Е.В. БУШМИН

У всех нас проблемы, допустим, с налоговой службой. Последние шесть лет каждый год налоговая служба восстанавливает базу по каким-то причинам, и каждый раз присылает документы, как было шесть лет назад. Нормальная ситуация, база падает. Ну что с этим делать? Может быть, нам законы нужно более внимательно принимать?

Время вышло. У нас с вами есть рекомендации. Рекомендации на четырех страницах, но, судя по всему, объем их будет увеличен почти в два раза, потому что, если вы внимательно слушали все выступления, которые здесь были, особенно выступления губернаторов, представителей науки, то понимаете, что в эти рекомендации нужно добавить значительное количество предложений.

Мы сделаем таким образом: конечно, мы обработаем текст стенограммы сегодняшнего мероприятия, но готовы и в письменном виде принимать предложения по этим рекомендациям, чтобы у нас была возможность через две недели принять эти рекомендации на заседаниях Комитета по экономической политике и Комитета по бюджету и финансовым рынкам.

У вас есть фактически неделя для письменных предложений, за эту неделю мы обработаем текст стенограммы, затем выдадим рекомендации.

Я думаю, мы всем участникам пришлем эти рекомендации, также эти рекомендации будут разосланы в Государственную Думу, в Правительство, в Администрацию Президента для того, чтобы было понятно, о чем мы сегодня говорили и какие предложения возникли.

Если вы не возражаете, то срок неделя, всё остальное – в ваших руках.

Спасибо всем за активное участие. До следующей встречи. До свидания.
